

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

М. И. Кришталь

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ БАЛТИИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Учебное пособие

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2023

УДК 324
ББК 66.69(4/8)
К829

Рецензенты

И. Ю. Окунев, канд. полит. наук, дир. Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России;

П. В. Осолков, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник
Отдела исследований европейской интеграции,
руководитель центра этнополитических исследований ФГБУН ИЕ РАН

На обложке использованы изображения с сайта Freepik.com

Кришталь, М. И.

К829 Электоральные процессы в постсоветских странах Балтии и Восточной Европы : учебное пособие. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — 127 с.
ISBN 978-5-9971-0756-7

Представлены методология и результаты исследования электоральных процессов в странах Балтии и Восточной Европы. Раскрываются теоретические основы изучения электорального процесса и этнического фактора в голосовании, а также особенности электоральных процессов на Украине, в Молдове, Эстонии, Латвии и Литве.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлениям «Политология» и «Международные отношения». Может быть полезно аспирантам, преподавателям, а также специалистам, занимающимся электоральными исследованиями.

УДК 324
ББК 66.69(4/8)

ISBN 978-5-9971-0756-7

© Кришталь М. И., 2023
© БФУ им. И. Канта, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Методология анализа электоральных процессов и этнический фактор в голосовании	7
1.1. Сущность электорального процесса	8
1.2. Методологические подходы к изучению электоральных процессов	12
1.3. Сущность этнического голосования	13
1.4. Этнические и этнорегионалистские партии	15
1.5. Факторы этнического голосования на примере стран Балтии	18
Контрольные вопросы	21
Практические задания	22
Список рекомендуемой литературы	22
Глава 2. Электоральные процессы на Украине	25
2.1. Электоральные процессы, положившие начало обретения Украиной независимости	26
2.2. Общенациональные выборы и противостояние президента и парламента при президентстве Л. М. Кравчука	29
2.3. Общенациональные выборы и противостояние президента и парламента при президентстве Л. Д. Кучмы	32
2.4. Электоральные процессы в годы президентства В.А. Ющенко	38
2.5. Электоральные процессы на Украине как предпосылка острого социально-политического кризиса в годы президентства В. Ф. Януковича	42
2.6. Особенности электоральной поддержки на Украине на выборах 2014 года	48
2.7. Особенности электоральной поддержки на Украине на выборах 2019 года	52
2.8. Специфика явки на выборах в регионах Украины	56
Контрольные вопросы	61

Практические задания	62
Список рекомендуемой литературы	62
Глава 3. Электоральные процессы в Республике Молдова	67
3.1. Исторические предпосылки возникновения электорально-го раскола между унионистами и молдовенистами	68
3.2. Унионизм и молдовенизм на повестке выборов Республики Молдова в 1990-е годы	71
3.3. Унионизм и молдовенизм на повестке выборов Республики Молдова в 2000-е годы	74
3.4. Геополитические представления жителей Молдовы как фактор электорального процесса	86
3.5. Внешнеполитическая повестка на выборах в Республике Молдова	90
Контрольные вопросы	94
Практические задания	94
Список рекомендуемой литературы	94
Глава 4. Электоральные процессы в постсоветских странах Балтии	97
4.1. Этническое голосование в Эстонии	98
4.2. Этническое голосование в Латвии	101
4.3. Этническое голосование в Литве	106
4.4. Факторы, актуализирующие внешнюю политику на повестке политических партий постсоветских стран Балтии	109
4.5. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Эстонии	111
4.6. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Латвии	116
4.7. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Литвы	120
Контрольные вопросы	122
Практические задания	123
Список рекомендуемой литературы	123
Заключение	127

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе общественного развития в политических системах постсоветских стран Балтии (Латвия, Литва и Эстония) и Восточной Европы (Молдова и Украина) происходят значительные изменения. Это является следствием влияния новых геополитических факторов и эволюции политических и, в частности, электоральных процессов с момента распада СССР.

С учетом важной геополитической роли этих стран для России возникает потребность в квалифицированных специалистах, обладающих знаниями о различных аспектах политической жизни в рассматриваемых государствах. Особенной актуальностью обладают знания об электоральных процессах, поскольку их анализ позволяет понять специфику самых разных сторон политической сферы. В их числе можно выделить социально-политические настроения населения, присущие ему социальные расколы, пространственные характеристики географии голосования, особенности повестки избирательных кампаний, трансформацию партийных систем и т. д. Поэтому целью данного учебного пособия является ознакомление обучающихся с электоральными процессами постсоветских стран Балтии и Восточной Европы. За пределами нашего внимания оказались электоральные процессы в Республике Беларусь, что обусловлено сложившимися в ней ярко выраженными авторитарными чертами политического режима.

Первая глава пособия посвящена методологии анализа электоральных процессов и этническому фактору в голосовании. В ней учащиеся ознакомятся с сущностью электорального процесса и методологическими подходами к его изучению. Также в главе даны характеристики этнического голосования, описаны особенности этнических и этнорегионалистских партий и приведены факторы этнического голосования на примере стран

Балтии. В последующих главах раскрывается специфика электоральных процессов на Украине, в Молдове, Эстонии, Латвии и Литве.

Для активизации познавательного интереса и самоконтроля студентов после каждой главы сформулированы контрольные вопросы и практические задания, а также приводится список рекомендуемой литературы.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ГОЛОСОВАНИИ

Источник: <http://duma.gov.ru/news/51474/>

1.1. Сущность электорального процесса

Электоральный процесс является объектом пристального внимания со стороны ученого сообщества в различных областях научного знания. В ходе него воспроизводятся и создаются политические институты, осуществляется ротация элит и конкретных персоналий во время реализации выборных демократических процедур. Наряду с этим электоральный процесс оказывает серьезное воздействие на состояние общественного мнения и социальную стабильность в стране [8, с. 20], поэтому он рассматривается как совокупность двух составляющих: конкурентной и императивной. Первая представлена избирательной кампанией, институционализирующей взаимодействие политических акторов в процессе формирования органов государственной власти. Вторая выражена в форме голосования как принятия избирателями властного решения [4, с. 12].

В зависимости от того, в какой именно научной области изучается электоральный процесс, исследователями, как правило, делается тот или иной акцент. Юристы главным образом изучают его нормативно-правовую базу, политологи преимущественно уделяют внимание анализу особенностей электорального поведения, социологи исследуют влияние различных социальных факторов и социальной среды на голосование, психологов интересует поведенческий аспект, географов — пространственная специфика распределения голосов и т. д. В целом исследования электорального процесса можно разделить на три основные группы [7, с. 121]:

— изучение конкретных избирательных кампаний (здесь исследовательский интерес может вызывать итоговая расстановка политических сил, уровень явки избирателей, факторы, предопределяющие специфику электорального поведения, особенности географии голосования, идеологические размежевания участников избирательной кампании и т. д.);

— анализ механизма выборов;

— изучение нормативно-правовой базы избирательного процесса.

В современной науке отсутствует универсальное определение электорального процесса. Ситуация осложняется также тем, что российские исследователи порой рассматривают его как синоним «избирательного процесса», так как англоязычный термин «electoral» наиболее близок российскому «избирательный». Однако электоральный процесс является более сложным понятием, включающим в себя более широкую сферу процесса политического (рис. 1.1). Если избирательный процесс представляет собой временной промежуток с момента назначения выборов до подведения их итогов, то электоральный также охватывает межвыборный период. Таким образом, электоральный процесс включает любые действия, имеющие отношение к выборам, а не только те, которые направлены на избирателей [3, с. 74—75].

Рис. 1.1. Соотношение категории «электоральный процесс» и близких к ней понятий

Основные стадии электорального процесса — предвыборная борьба, сами выборы, подведение их итогов, а также их влияние на политический процесс. Для их определения выделяются критерии, на основании которых их можно различать: хроно-

логические рамки избирательного процесса; территориальные рамки; форму и содержание электорального процесса; воздействие электорального процесса на политический [5, с. 146].

Опираясь на выделенные стадии, можно предложить следующую программу анализа электоральных процессов (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Примерная схема анализа электорального процесса

Стадия электорального процесса	Ключевые исследовательские вопросы	Основные методы исследования
Предвыборная борьба	Какие основные темы избирательной кампании? Какой уровень узнаваемости, доверия и электоральной поддержки участников выборов?	Качественный анализ программных документов, выступлений участников выборов, представителей политических партий, социологические опросы, вторичный анализ данных, фокус-группы, анализ политической рекламы
Выборы	Какой уровень явки на выборах? За кого голосуют избиратели? Какая социальная база участников выборов?	Экзитпол, наблюдение
Подведение итогов выборов	Как изменилась расстановка сил в сравнении с предыдущими выборами? Как различаются итоги голосования в разных территориальных единицах? Какие основные факторы влияли на электоральное поведение в ходе выборов?	Пространственный анализ результатов выборов, статистический анализ, позволяющий выявить влияние факторов на электоральное поведение. Сравнительный анализ результатов выборов разных лет

Окончание табл. 1.1

Стадия электорального процесса	Ключевые исследовательские вопросы	Основные методы исследования
Последствия выборов на политический процесс	По какому принципу сформирована правящая коалиция? Как победители выборов реализуют свои предвыборные обещания? Какую стратегию выбрали оппозиционные силы? Как изменилась поддержка политиков и партий после выборов?	Социологические опросы, вторичный анализ данных, качественный анализ нормативно-правовых документов, выступлений политических деятелей, представляющих власть и оппозицию

С учетом вышеизложенного электоральный процесс можно рассматривать как «совокупность сложных процессов, возникающих при организации избирательного процесса, действий и поступков граждан и акторов, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов на всем протяжении исторического развития» [25, с. 72]. Он выражается в «последовательной смене состояний, динамике, движении составляющих его элементов, важнейшим из которых выступает поведение субъектов электорального процесса, в зависимости от мотивационных характеристик классифицируемое как целерациональное, ценностно-ориентированное, традиционно-мотивированное и аффективное» [4, с. 12].

Специфика электорального процесса базируется на таких составляющих, как отсутствие законов, определяющих сроки его протекания; широкий круг его участников; наличие множества факторов, разделяющихся на внешние и внутренние. Последние делятся на структурные, включающие в себя политические, экономические, социальные, культурные условия, и процедурные факторы (технологии, стратегии и тактики взаимодействия внутренних акторов электорального процесса с избирателями и друг с другом) [23, с. 166—167].

Внешние факторы являются совокупностью экономических, электоральных, военно-стратегических и других реалий международного характера [7, с. 124]. Они оказывают заметно более высокое воздействие на электоральные процессы национального уровня. По этой причине на их повестке дня, как правило, важное место занимают вопросы международных отношений. Активное воздействие внешних факторов особенно характерно для стран, занимающих особое геополитическое положение и находящихся в течение продолжительного времени в фокусе внимания различных центров силы.

1.2. Методологические подходы к изучению электоральных процессов

Электоральный процесс рассматривается сквозь призму нескольких подходов [2, с. 150]:

— согласно структурно-функциональному подходу, он анализируется как совокупность электоральных событий, происходящих в межвыборный период с учетом их структурной соподчиненности и хронологической последовательности, в ходе которых происходит формирование органов государственной власти на легитимной основе;

— согласно коммуникативному подходу, электоральный процесс анализируется с точки зрения совокупности коммуникативных взаимодействий, возникающих в период формирования органов власти на выборной основе через реализацию последовательных стадий политической конкуренции;

— системный подход позволяет анализировать электоральный процесс как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов [5, с. 146].

Таким образом, электоральный процесс представляет собой не только процесс, но и систему, поскольку ему присущи ее основные характеристики [7, с. 122—123]:

— целостность (свойства электорального процесса сводятся не к свойствам составляющих его элементов, а определяются прежде всего структурой и характером связей между его элементами). Поэтому, анализируя электоральный процесс, можно говорить не только о совокупности действий отдельных акторов, но и о системных взаимодействиях [3, с. 76];

— сложность строения (большое количество элементов, взаимодействующих между собой и входящих в подсистемы). С увеличением числа связей и элементов происходит рост сложности электорального поведения и электорального выбора [10, с. 93];

— иерархичность строения (наличие элементов низшего и высшего уровня), в частности, можно выделить территориальные отделения политических партий, избирательных комиссий и т. д.

Отдельного внимания заслуживает социально-структурный подход, анализирующий основные структурные компоненты электорального процесса: институциональный, регулятивный и символический. Институциональный раскрывает тип формирования политических ассоциаций, партий, групп интересов, набор институтов, участвующих в борьбе за власть, особенности электоральной системы, государственного строя и т. д. Регулятивный компонент характеризует устоявшийся в обществе тип принятия решений, господствующие методы политического принуждения, формы государственного контроля над принятыми решениями, технологии контроля общества за властью, особенности судебной системы, принципы и нормы политической этики и т. д. Символический компонент демонстрирует принятый в обществе тип культурного языка, традиции, обычаи, ритуалы, используемые для обеспечения политического процесса, особенности политической семантики, форм межличностного и межгруппового общения [6, с. 69—71].

1.3. Сущность этнического голосования

Этничность — эффективный инструмент для мобилизации населения ради достижения различных целей, в том числе политического характера. Это вызвано тем, что в условиях многонационального общества этническая принадлежность зачастую выступает в качестве единственной основы для политической сплоченности, организации и действий [29]. Под последним также стоит понимать и участие в голосовании. Поэтому этнический характер партии или этническая принадлежность кандидата могут становиться решающими в условиях, когда из-

биратель затрудняется с выбором [22, с. 81]. Эта особенность электорального поведения объясняется тем, что избиратели, голосуя за представителя своей этнической или конфессиональной группы, считают, что он, по причине общего с ними социального опыта, будет лучше представлять их интересы [27].

Под этническим голосованием понимается тип электорального поведения, при котором голоса избирателей распределяются в соответствии с их этнической принадлежностью. Подобное проявление электорального поведения фактически неизбежно возникает в случае существования в государстве нескольких значимых этнических групп [12, с. 114]. Этническое голосование не сводится исключительно к поддержке на выборах представителей своей этнической группы, так как избиратели также могут проголосовать за партии или кандидатов, принадлежащих к близкородственным этническим группам [22, с. 81]. Кроме того, под этническим голосованием может пониматься электоральная поддержка формально не этнических партий, выступающих в поддержку соответствующих этнофоров [12, с. 115].

Выделяется ряд условий, способствующих возникновению этнического голосования. Базовым является наличие у всех представителей этнических групп избирательного права. Ограничивающий фактор для его появления — законодательный запрет этнических партий, который используется властями ряда стран как инструмент сдерживания деструктивных проявлений политизации этничности [20, с. 30].

Также выделяется ряд условий географического характера. Во-первых, важным фактором является территориальная концентрация этнических групп: в округах, где преобладает этническое меньшинство страны, как правило, побеждают представляющие их на выборах кандидаты [28, р. 172]. Во-вторых, если члены этнической группы проживают «сегрегированно» (обособленно от представителей других этнических групп), появляется существенно больше шансов для возникновения тесных социальных связей, что может стать инструментом для электоральной мобилизации [16, с. 61]. В-третьих, имеет значение тип поселения: этническое голосование в сельской местности обладает большей интенсивностью, поскольку в ней,

как правило, более высокая концентрация этнических групп. Напротив, такие характерные для города черты, как более высокий уровень плюрализма культуры и образования жителей, не способствуют формированию этнического голосования. Наряду с этим способствуют интенсификации этнического голосования наличие дискриминации по этническому признаку и преследование этнической группой общего интереса [22, с. 82—84].

1.4. Этнические и этнорегионалистские партии

В идеологическом плане этническое голосование зачастую имеет характер этнорегионального, поскольку нередко воедино сливаются защита прав этнической группы и поддержка развития территории компактного проживания этноса. По этой причине для электоральной поддержки этнорегионалистских партий свойственна высокая степень территориальной дифференциации [11, с. 95]. Регионализм здесь может рассматриваться как одна из вариаций национализма, так как в данном случае лояльность нации сужается до пределов конкретного региона [13, с. 92]. При этом если этнос проживает на территории страны дисперсно, то предпосылки для возникновения этнорегионалистских партий отсутствуют.

Этнические партии могут занимать различные диспозиции в идеологическом поле. Во многом фактором, влияющим на их идеологические отличия, являются особенности политического и социально-экономического статуса этнических меньшинств. Этнофоры в свою очередь, с учетом своего социально-экономического положения и шансов партий пройти в парламент, могут голосовать как за радикальную этническую партию, так и за более умеренную [12, с. 115].

Данные партии различаются между собой также по ряду других критериев [17, с. 21]. Существуют заметные отличия в степени политического влияния, которое определяется наличием или отсутствием представительства в парламенте, возможностью участвовать в формировании правительства и т. д. Наряду с этим достаточно широк диапазон их требований: от умеренных до радикальных, что в итоге сказывается на характе-

ре взаимодействия с центральной властью. Одна часть партий ограничивается требованиями перераспределения полномочий в пользу регионов и предоставления культурной автономии, другая выступает за политико-региональную автономию своего региона, третья требует полной независимости от государства-метрополии [24, с. 43]. Согласно характеру и содержанию требований, выделяется восемь типов этнорегионалистских партий (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Типология этнорегионалистских партий

Категория (характер требований)	Субкатегория	Требования
Протекционистские («мягкие» требования)	Консервативные	Признание, сохранение
	Партиципаторционистские	Доступ, участие
Децентралистские («умеренные» требования)	Автономистские	Власть внутри региона
	Федералистские	Власть в федеративном измерении
	Конфедералистские	Власть в конфедеративном измерении
Сецессионистские («жесткие» требования)	Индепендистские	Независимость
	Ирредентистские	Независимость вместе с территориями соседнего государства
	Раттачистские	Присоединение к другому государству

Источник: [26, р. 206].

Наличие разных целей этнорегионалистских партий способствует возникновению у них различных траекторий развития. К примеру, по причине серьезных расхождений в требованиях не все этнорегионалистские партии стран ЕС входят в Европейский свободный альянс, представляющий собой институциональное воплощение данной партийной семьи [14, с. 144].

На положение этих политических сил в партийных системах влияет доля этнического меньшинства в общем количестве населения. Этот фактор непосредственно сказывается на электоральном потенциале политических сил, выступающих в защиту прав этнических сил.

В то же время этнические партии обладают и рядом общих признаков. Во-первых, они отстаивают интересы той или иной этнической группы. Во-вторых, они политизируют этничность, выступая с политическими требованиями различного характера от имени этнической группы. В-третьих, для них характерно наличие сильных символических элементов, связанных с этнической идентичностью. Это обусловлено тем, что данным партиям необходимо дать ясный сигнал представителям определенной этнической группы о том, что именно они выступают в защиту их интересов. Например, в качестве подобных символических элементов может выступать соответствующее название, совпадающее с названием этнической группы (Баскская националистическая партия, Демократический союз венгров Румынии, Шотландская национальная партия и т. д.). Нередко лидеры партий в своих выступлениях используют язык этнической группы как символический инструмент поддержки [19, с. 97]. Также возможно применение и иных символов, связанных с этносом. К примеру, партийные мероприятия могут быть приурочены к национальным датам, в партийной символике могут использоваться цвета национального флага (рис. 1.2) и т. д.

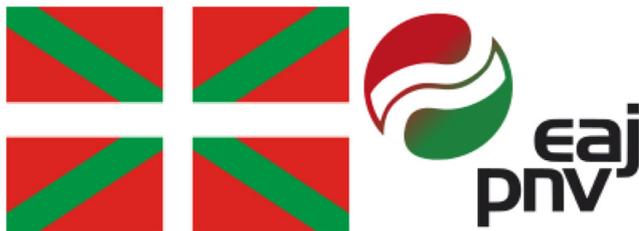

Рис. 1.2. Флаг Страны Басков (слева) и логотип Баскской националистической партии (справа)

Существуют два противоположных взгляда на роль этнических партий в политической системе страны. Согласно одной точке зрения, они выступают в качестве необходимого института политического представительства. Согласно другой — от них исходит угроза разделения общества по этническому принципу. Подобные опасения разделяют власти ряда стран, в которых этнические партии официально находятся под запретом [18, с. 95—96].

1.5. Факторы этнического голосования на примере стран Балтии

К моменту обретения Литвой, Латвией и Эстонией независимости в 1991 г. в них сложились самые значимые среди постсоветских стран предпосылки для этнического голосования на выборах. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в этих государствах проживала и проживает по сей день значительная доля этнических меньшинств. К 2021 г. русских в Эстонии проживало 23,7 %, в Латвии — 24,5 %. В Литве, являющейся по причине гораздо меньших темпов миграции в советский период самой моноэтнической страной среди трех балтийских республик, доля поляков в населении страны в 2021 г. составила 6,5 %, русских — 5 %.

Специфика этнического состава этих стран — следствие исторического процесса: продолжительное время они являлись частью других более крупных государственных образований (Речи Посполитой, Российской империи, СССР и т. д.). Во второй половине XX в. на их этнический состав существенным образом повлияла масштабная миграция русского населения, вызванная милитаризацией и высокими темпами развития промышленности в Прибалтийских республиках в советский период. В итоге относительный рост русских в Прибалтике был одним из самых высоких среди всех советских республик.

Во-вторых, для данных этнических меньшинств характерна территориальная компактность проживания. В Эстонии русские проживают преимущественно в уездах Ида-Вирумаа и Хартюмаа (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Этнотерриториальная дифференциация Эстонии

Источник: [21, с. 216].

В Латвии русское население территориально концентрируется главным образом в Риге и Латгалии. Значительная часть русских также проживает в таких крупных городах страны, как Елгава, Екабпилс, Вентспилс, Лиепая и Юрмала (рис. 1.4). Таким образом, географическое расселение русских в Латвии и Эстонии имеет схожие характеристики, охватывая преимущественно столичные регионы и наиболее депрессивные с социально-экономической точки зрения территории (Ида-Вирумаа и Латгалия) [15, с. 92].

Рис. 1.4. Этнотерриториальная дифференциация Латвии

Источник: [21, с. 216].

Большинство поляков и русских Литвы проживает в Вильнюсском уезде (рис. 1.5—1.6). Достаточно высокая доля последних (около 10 %) также в населении Клайпедского и Утенского уездов.

Рис. 1.5. Вильнюсский уезд на территории Литвы

Источник: [21, с. 218].

Рис. 1.6. Этнотерриториальная дифференциация Вильнюсского уезда Литвы

Источник: [21, с. 218].

В-третьих, возникновению этнического голосования и этнических партий в постсоветских странах Балтии способствует существующая в них дискриминация этнических меньшинств. Политические элиты трех стран с начала 1990-х гг. взяли курс на строительство государств, основанных на принципе приоритета «титულიного» населения. В частности, ни одна из стран Балтии не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков, обязывающую государства поддерживать языки этнических меньшинств. Кроме того, в этих странах не соблюдаются требования с трудом ратифицированной Рамочной конвенции Совета Европы о защите прав национальных меньшинств [1, с. 47], запрещающей дискриминацию и политику ассимиляции, а также требующей обеспечения права на получение образования на родном языке. Так, общей стратегией политических элит этих государств в вопросе среднего образования можно назвать установление полного перевода школ на обучение на государственном языке [9, с. 60]. Эти предпосылки привели к тому, что в странах Балтии образовались политические партии, представляющие интересы русскоязычного населения. В Литве также возникли политические силы, защищающие права польских жителей.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте определение электорального процесса.
2. Какие основные направления изучения электорального процесса вы можете назвать?
3. Чем различаются электоральный и избирательный процессы?
4. По каким признакам электоральный процесс можно рассматривать как систему?
5. В чем заключается специфика изучения электоральных процессов с точки зрения различных методологических подходов?
6. Что понимается под этническим голосованием? Какие черты ему присущи?
7. Какие условия способствуют возникновению этнического голосования?
8. По каким критериям могут различаться этнические партии? Какие у них можно выделить схожие признаки?
9. Почему этнические партии зачастую являются также регионалистскими по своему характеру?

10. Какие предпосылки сложились в Эстонии, Латвии и Литве для возникновения этнического голосования?

11. В каких регионах постсоветских стран Балтии проживают русское и польское этнические меньшинства?

Практические задания

1. Составьте план изучения одного или нескольких аспектов электорального процесса в Литве, Латвии, Эстонии, на Украине или в Молдове. План должен включать актуальность с опорой на данные опросов общественного мнения, объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также предполагаемые научные методы.

2. Опираясь на данные из открытых источников сети Интернет, изучите, в каких мероприятиях, приуроченных к национальным датам, принимали участие этнические партии стран Балтии? Проанализируйте это участие по следующим критериям:

— особенности освещения на официальном сайте: какие делают-ся основные смысловые акценты в текстах или видео? какой их эмоциональный окрас?

— практики участия: какая символика (партийная, национальная или какая-то иная) используется представителями партий? что представляет собой мероприятие (шествие, митинг и т. д.)? партия принимает участие в мероприятиях совместно с другими организациями (какими?) или единолично?

Список рекомендуемой литературы

1. *Аверьянов М. Л.* Становление этнократических режимов в Латвии и Эстонии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3.

2. *Аликина Е. А.* Применение категории «электоральный процесс» в политическом анализе: методические основы // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5, № 6А.

3. *Близняк Р. З.* «Электоральный процесс» vs «избирательный процесс»: к вопросу об оптимизации понятий // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 2 (23).

4. *Богданова М. Н.* Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2006.

5. *Кисляков М. М., Востриков К. В.* Эволюция регионального электорального процесса (на материале Кемеровской области — Кузбасса) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 2.

6. *Ковров В. Ф.* Особенности применения социально-структурного подхода к изучению электоральных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2009. № 2.

7. *Ковров В. Ф.* Электоральные процессы в общественной системе // Социология власти. 2008. № 6.

8. *Кошкин А. П., Мельков С. А.* Завершается ли электоральный процесс созданием общероссийского народного фронта? // Власть. 2011. № 10.

9. *Кришталь М. И., Уразбаев Е. Е.* Субрегиональные аспекты этнополитических процессов зарубежной Прибалтики // Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики. Калининград, 2020.

10. *Лупенкова Е. Ю.* Динамика ценностных ориентаций субъектов российского электорального процесса // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2013. № 2.

11. *Окунев И. Ю.* Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. 2022. № 4.

12. *Осколков П. В.* Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 8.

13. *Осколков П. В.* Этничность и политика: терминологические споры и узловые точки пересечения // Современная Европа. 2022. № 1.

14. *Осколков П. В.* Этнорегионалистские партии ЕС: феномен Европейского свободного альянса // Современная Европа. 2021. № 1 (101).

15. *Павлов Д. С.* Русские в странах Балтии: мифы и факты // Вопросы национализма. 2012. № 3.

16. *Панов П. В.* Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2.

17. *Панов П. В.* Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3.

18. *Сидоров В. В.* Этнические партии как агенты этнополитической мобилизации в государствах Западной Европы // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 3.

19. *Сидоров В. В.* Этнические партии как институт согласования интересов этнических групп в различных формах правления // PolitBook. 2021. № 4.

20. *Сидоров В. В.* Этнические партии как катализатор этнических конфликтов: теоретические и эмпирические аргументы // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 4.

21. *Тарасов И. Н., Кришталь М. И., Уразбаев Е. Е.* Влиятельность этнотерриториальных факторов на электоральные практики в странах Балтии // Политическая наука. 2022. № 4.

22. *Фарушкин М. Х.* Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. 2016. № 5.

23. *Чувиллина Н. Б.* К вопросу о методологии исследования региональных электоральных процессов в постсоветской России // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4 (13).

24. *Швейцер В. Я.* Выборы 2019 года в европейский парламент: партийно-политическая панорама // Современная Европа. 2019. № 1 (87).

25. *Шумилов А. В.* Электоральный процесс в Российской Федерации: понятие и методология выделения циклов // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3.

26. *Dandoy R.* Ethno-regionalist parties in Europe: a typology // Perspectives on Federalism. 2010. Vol. 2 (2).

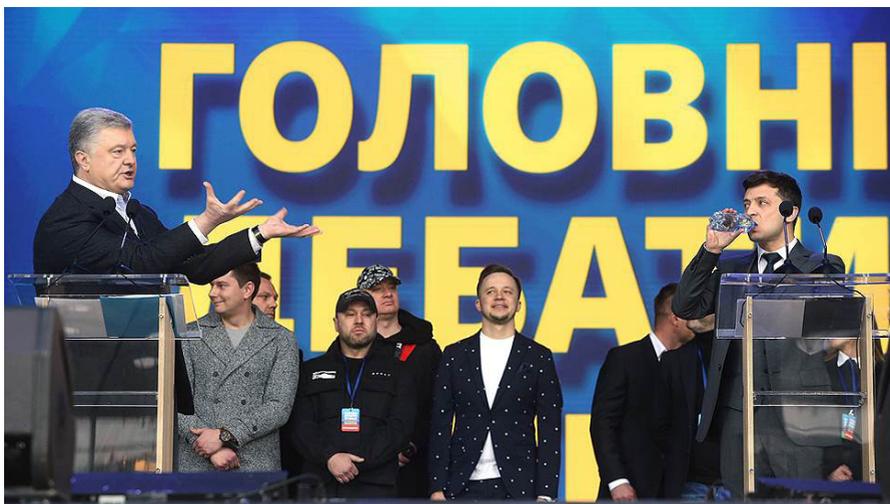
27. *Forest B.* Electoral Redistricting and Minority Political Representation in Canada and the United States // Canadian Geographer / Le Geographe canadien. 2012. № 56.

28. *Goodnow R., Moser R. G.* Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority — Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia // Comparative Political Studies. 2012. № 45.

29. *Rabushka A., Shepsle K. A.* Politics in plural societies: A theory of democratic instability. Columbus, 1972.

ГЛАВА 2

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА УКРАИНЕ

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/3951809>

2.1. Электоральные процессы, положившие начало обретения Украиной независимости

В марте 1990 г. на территории Украинской ССР состоялись первые альтернативные выборы в Верховный Совет. Основными соперниками кандидатов от Компартии Украины были приверженцы реформаторских течений внутри самой Коммунистической партии («Демократическая платформа») и представители общественно-политического движения «Народный Рух Украины» (НРУ), объединявшего силы различной идеологической ориентации [26, с. 20—21]. Впоследствии этот созыв Верховного Совета большинством голосов 16 июля 1990 г. принял «Декларацию о государственном суверенитете Украины». В ней указывалось, что «Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение». Затем 24 августа 1991 г., после провалившегося в Москве путча ГКЧП, депутаты Верховного Совета большинством голосов приняли Акт провозглашения независимости Украины, а затем и постановление «О провозглашении независимости Украины».

Поддержка коммунистами этих документов была обусловлена не только провалом августовского путча, но и желанием возглавить разраставшееся националистическое движение с целью сохранения власти и привилегий [19, с. 147]. Таким образом, возник ситуативный союз между коммунистическим большинством Верховного Совета и его депутатами из числа националистов.

Согласно положению постановления «О провозглашении независимости Украины», 1 декабря 1991 г. состоялся всеукраинский референдум на подтверждение акта провозглашения независимости. На нем абсолютное большинство принявших участие в голосовании граждан (90,32 %) поддержало курс на

независимость. Примечательно, что ранее, на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., заметное большинство украинских граждан (70,2 %) проголосовало за сохранение СССР. Столь серьезные различия в результатах связаны с применявшимися манипуляционными технологиями.

В УССР, в отличие от других советских республик, в которых проходил всесоюзный референдум, в бюллетенях был добавлен второй вопрос. Наряду с вопросом о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик был включен вопрос «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на основах Декларации о государственном суверенитете Украины?». Таким образом, второй вопрос референдума по сути противоречил первому, присутствовали даже расхождения в названии и статусе нового Союза. За второе предложение проголосовало 80,2 % от общего количества участников референдума [7, с. 54—55], что превосходило долю выступавших за сохранение обновленного СССР. Более того, в трех западных регионах УССР (Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области), входящих в исторический регион Галиция, в бюллетень был поставлен также вопрос о полной независимости Украины. В итоге абсолютное большинство участников (88,3 %) так называемого Галицкого референдума ответило на этот вопрос положительно.

В ходе всеукраинского референдума, напротив, в бюллетене фактически не упоминалось о выходе Украины из состава СССР, а делался акцент только на провозглашении независимости. В результате в сознании широких слоев избирателей сохранялась иллюзия, что Украина не будет разрывать экономические, культурные и иные связи со своими соседями [19, с. 155]. Итоги голосования на всеукраинском референдуме во многом предопределили отказ руководства Украинской ССР присоединиться к новому союзному договору. Это стало важным фактором, способствовавшим конечному распаду СССР в декабре 1991 г.

Вместе со всеукраинским референдумом 1 декабря прошли президентские выборы. Достаточно уверенную победу на них

в первом туре с результатом 61,59 % одержал председатель Верховного Совета УССР Л. М. Кравчук, являвшийся во многом выразителем интересов номенклатуры. Его основными соперниками были бывшие деятели диссидентского движения. Тот факт, что победу на первых президентских выборах одержал представитель номенклатуры, а не диссидентского движения, заметно отличал Украину от ряда постсоциалистических и постсоветских стран, где первыми главами были избраны диссиденты (В. Гавел, Л. Валенса, З. Гамсахурдия и др.). Второе место занял один из лидеров НРУ В. М. Черновол (укр. Чорновил), набрав 23,27 % голосов. Третье место с результатом 4,49 % занял видный деятель украинского националистского движения, лидер Украинской республиканской партии и автор Акта провозглашения независимости Украины Л. Г. Лукьяненко. Таким образом, партийной элите во главе с секретарем ЦК Компартии республики Л. М. Кравчуком удалось перехватить у оппозиционных диссидентов лозунги демократизации и независимости и привлечь на свою сторону большинство избирателей [8, с. 84].

На президентских выборах 1991 г. ярким образом проявилась электоральная специфика Западной Украины. В. М. Черновол сумел победить в трех западных областях (Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской). Л. Г. Лукьяненко также получил наибольшую поддержку избирателей в западных регионах Украинской ССР. Эта специфика голосования в данной части страны, проявляющаяся в более активной поддержке участников выборов националистического и проевропейского толка, будет фиксироваться на всех последующих выборах.

Данная особенность имеет под собой исторические причины, поскольку Западная Украина, особенно Галиция, позже других регионов вошла в состав России. Свою роль играет историческая память жителей Западной Украины, часть населения которой оказывала сопротивление российским силам в годы Первой мировой войны и позже Красной армии во время Второй мировой войны [35, с. 175]. Этнокультурный и конфессиональный факторы также сказываются на специфике электо-

рального поведения. Исторически в этой части страны проживает наименьшая доля русского и русскоязычного населения в сравнении с центральными и, в особенности, юго-восточными областями Украины. Кроме того, на Западной Украине были традиционно слабы позиции Русской православной церкви и, напротив, сильно положение независимых от Московского патриархата православных церквей, а также униатов из числа греко-католиков.

2.2. Общенациональные выборы и противостояние президента и парламента при президентстве Л. М. Кравчука

Ранний этап существования независимой Украины, как и в России, характеризовался противостоянием между парламентом (Верховной Радой) и президентом. После победы на выборах 1991 г. Л. М. Кравчук создал Администрацию президента, официальной задачей которой было повышение эффективности исполнения решений главы государства, а также Думу, представлявшую собой консультативный орган. В состав последней вошли 64 человека, выразивших интересы высших государственных чиновников. Эти действия привели к конфликту между Верховной Радой и созданными президентом органами власти, в основе которого лежал вопрос о контроле над правительством, так как соответствующие комитеты Верховной Рады не были готовы уступать его новым президентским структурам. В итоге осенью 1992 г. под давлением парламента Л. М. Кравчук упразднил Думу.

Однако уже в октябре того же года между президентом и парламентом возник новый конфликт, так как Верховная Рада выразила недоверие правительству, возглавляемому ставленником Л. М. Кравчука В. П. Фокиным. В итоге его место занял генеральный директор Южного машиностроительного завода Л. Д. Кучма, поддержанный руководством крупных предприятий страны. Оказавшись во главе правительства, он стал достаточно независимой от президента политической фигурой. Условием для занятия Л. Д. Кучмой поста премьер-министра было

предоставление ему дополнительных полномочий, что было одобрено сроком на полгода. В частности, он получил право издавать декреты, касавшиеся экономической сферы, которые приобретали силу законов.

В мае 1993 г. Л. Д. Кучма вновь потребовал у депутатов Верховной Рады предоставления ему дополнительных полномочий, но и в этот раз ему было отказано. В ответ он подал в отставку, которая не была принята парламентом. В это же время Л. М. Кравчук в условиях резкого ухудшения социально-экономической ситуации в стране также хотел получить право непосредственного руководства правительством и издания указов, приобретавших статус законов. Однако депутаты парламента отказали и ему. Новый виток конфликта между Верховной Радой и президентом произошел в сентябре 1993 г., когда кабинет министров Л. Д. Кучмы все же ушел в отставку, что позволило Л. М. Кравчуку снова требовать передачи ему функций контроля над правительством.

Следствием противостояния, в основе которого лежало распределение властных полномочий, стали досрочные выборы президента и парламента в 1994 г. К этому времени партийной системе Украины была уже присуща резкая идеологическая поляризация. Ее основное противостояние проходило между Коммунистической партией Украины (КПУ) и НРУ [41, с. 216]. Несмотря на это, парламентские выборы 1994 г., как и в 1990 г., проводились по мажоритарной системе. Это существенно отличало их от выборов в других постсоциалистических странах, проходивших по пропорциональной или смешанной системе.

Как следствие, состав Верховной Рады Украины оказался крайне размытым: лишь около половины мест получили кандидаты, представлявшие какие-либо партии. «Партия беспартийных» в значительной степени была представлена выходцами из прежней и новой номенклатуры. Несмотря на это, 15 политических партий сумели получить представительство в парламенте. Наибольшим влиянием обладали партии левого толка (КПУ (86 мест), «Селянская партия Украины» (19), Социалистическая партия Украины (СПУ) (14) и др.), что во многом было

обусловлено сложным социально-экономическим положением в стране. Идеологический антагонист КПУ в лице НРУ получил 20 мест. Численное доминирование в парламенте левых сил предопределило то, что ее председателем был избран лидер СПУ А. А. Мороз.

Результаты выборов продемонстрировали наличие идеологического раскола между условно левым и правым полюсами. Это противостояние проходило по двум осям: экономической (социализм — либерализм (капитализм)) и социокультурной (интернационализм — украинский национализм). Правые партии ратовали за либеральные и националистические ценности, левые — за интернационал-социалистические. Также сразу обозначились их различия в выборе приоритетного внешнеполитического вектора Украины. Правые ориентировались на укрепление связей со странами Западной Европы, левые ратовали за сближение с республиками бывшего СССР, и прежде всего с Россией [21, с. 125].

Этот раскол отражал крайне высокую неоднородность украинского электората, части которого придерживались двух противоположных идеологических полюсов [4, с. 88]. Уже в 1994 г. он обрел явную пространственную локализацию: за правые партии активнее голосовали на Западной и в Центральной Украине, за левые — в ее юго-восточной части.

Новый состав парламента не отменил намеченные ранее досрочные выборы президента страны, которые прошли в два тура — 26 июня и 10 июля 1994 г. Основными конкурентами на них были действующий глава государства Л. М. Кравчук и Л. Д. Кучма, возглавлявший в 1992—1993 гг. правительство Украины. В первом туре с незначительным перевесом победу одержал действующий президент (37,68 % против 31,25 %). Однако во втором туре больше голосов набрал его оппонент (52,14 % против 45,06 %). Л. М. Кравчук одержал победу в западных, а также в части центральных регионов Украины, Л. Д. Кучма — в ее южной и левобережной части (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Результаты второго тура президентских выборов на Украине в 1994 г.

Источник: [42, с. 257].

Уже на первых президентских выборах в независимой Украине остро встал языковой вопрос. Поэтому поддержка в преимущественно русскоязычных регионах страны Л. Д. Кучмы была обусловлена его обещаниями повышения статуса русского языка [1, с. 144]. Однако, избравшись на новый пост, он во многом отказался от своей предвыборной риторики в обмен на поддержку его действий со стороны национал-демократических партий. По этой причине в этих регионах произойдет самое заметное снижение уровня доверия к Л. Д. Кучме в годы его первого срока президентства [11, с. 24].

2.3. Общенациональные выборы и противостояние президента и парламента в годы правления Л. Д. Кучмы

После президентских выборов конфликт между главой государства и Верховной Радой, в основе которого вновь стоял вопрос о распределении власти, не прекратился. «Левый»

парламент под председательством А. А. Мороза препятствовал Л. Д. Кучме в проведении реформ, блокируя его инициативы. Ко всему прочему парламентарии обвиняли президента в формировании антинародного режима и авторитарных замашках.

Поэтому Л. Д. Кучма намеревался через принятие «Закона о власти» в 1995 г. повысить президентские полномочия. Согласно этому закону, глава государства мог назначать и смещать правительство без согласия парламента. Кроме того, закон давал президенту право роспуска Верховной Рады, если она трижды отвергала предложенный правительством бюджет. Принятие закона позволило бы Л. Д. Кучме получить широкие полномочия во внутренней и внешней политике сроком на один год, до принятия новой Конституции. Отказ парламентариев принять данный закон привел к инициированию президентом проведения референдума о поддержке его политики. В случае если бы референдум действительно прошел, на нем уверенную победу одержал бы глава государства, а это означало бы последующий роспуск парламента. Поэтому 7 июня 1995 г. депутаты Верховной Рады были вынуждены принять президентский вариант «Закона о власти» [14, с. 18—19].

В следующем, 1996 г. разгорелся конфликт между парламентом и президентом по вопросу проекта Конституции, главным образом касающегося темы будущей формы государственного управления. Вновь Л. Д. Кучма пригрозил в случае отклонения парламентариями его проекта проведением всенародного референдума о принятии Конституции. Победа президентского проекта на референдуме автоматически бы означала последующий роспуск Верховной Рады. Однако в 1996 г. позиции президента были слабее, чем в предыдущем, поскольку его поддержка в обществе к этому моменту ослабла. Несмотря на это, угроза роспуска Верховной Рады повлияла на позиции большинства депутатов, 27 июня 1996 г. принявших вариант Конституции, предложенный Л. Д. Кучмой, согласно которому Украина стала президентско-парламентской республикой [Там же, с. 19—21].

В 1998 г. общенациональные парламентские выборы на Украине впервые прошли по смешанной системе. На них основными конкурентами и идеологическими противниками были КПУ, набравшая 24,65 % голосов, и НРУ с результатом 9,4 %.

Вновь проявилась специфика географии голосования. Около 61 % голосов за коммунистов приходилось на девять юго-восточных регионов Украины (Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская и Херсонская области, Автономная Республика Крым и город Севастополь). У НРУ примерно 55 % всех голосов приходились на Киев и пять западноукраинских областей (Волынская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровненская и Тернопольская области). Избирательный блок СПУ и Селянской партий Украины (СелПУ), занявший третье место с результатом 8,55 %, преимущественно (около 65 % от общей доли голосов) поддержали избиратели девяти центральных регионов (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская и Черниговская области). Наиболее регионализированный характер электоральной поддержки был присущ Всеукраинскому объединению «Громада», набравшему 4,67 %, и Социал-демократической партии Украины (объединенной) (результат — 4,01 %). Примерно 53 % голосов «Громада» получила в Днепропетровской области: лидер объединения П. И. Лазаренко, бывший на тот момент премьер-министром, ранее возглавлял этот регион. В свою очередь социал-демократы, одним из лидеров которых был предшественник П. И. Лазаренко на посту главы правительства Е. К. Марчук, собрали около 32 % голосов в Киеве и Закарпатье [41, с. 218]. Причем электоральная поддержка в Закарпатской области, где Социал-демократическая партия Украины (объединенная) (СДПУ(о)) практически полностью контролировала власть [38, с. 53], достигла 31,17 % голосов.

В октябре — ноябре 1999 г. на Украине прошли два тура президентских выборов. Основными конкурентами на них были действующий глава государства Л. Д. Кучма и лидер КПУ П. Н. Симоненко, набравшие в первом туре 36,49 и 22,24 % голосов соответственно. Примечательно, что Л. Д. Кучма на этих выборах, в отличие от предыдущих, опирался в значительной

степени на национально-либеральный электорат [21, с. 129]. В результате его электоральная поддержка достигла максимальных значений в западноукраинских регионах. Штаб действующего президента проводил избирательную кампанию под лозунгом недопущения «коммунистического реванша». Это позволило мобилизовать вокруг себя избирателей, придерживающихся различных идеологических пристрастий [11, с. 27]. Во многом благодаря этому Л. Д. Кучме удалось достаточно уверенно победить во втором туре, несмотря на отсутствие доверия к нему у широких слоев населения. Он получил 56,25 % голосов против 37,8 % у П. И. Симоненко. Подобная избирательная технология была применена ранее на президентских выборах 1996 г. в России.

В 2000 г. берет начало новый политический кризис на Украине. Его причиной стало убийство журналиста Г. Р. Гонгадзе и последующий кассетный скандал. Журналист был известен тем, что в апреле 2000 г. основал интернет-издание «Украинская правда» и опубликовал серию расследований о коррупции в высших эшелонах власти. Вскоре после того как было обнаружено его тело, лидер СПУ А. А. Мороз представил в Верховной Раде запись, доказывающую причастность Л. Д. Кучмы к убийству. С этого момента основной осью политического конфликта на Украине стало противостояние пропрезидентских сил и антипрезидентской (антикучмовской) оппозиции [41, с. 217]. Началась протестная кампания, под лозунгом «Украина без Кучмы» объединившая политические силы разного идеологического толка. Ее активная фаза пришлась на декабрь 2000 — март 2001 г. [27, с. 84]. Президент сумел сохранить власть, однако эти протестные акции стали прологом для будущих событий на Майдане.

В марте 2002 г. в стране состоялись новые парламентские выборы, следствием которых стало значительное изменение расстановки сил в Верховной Раде. Семь из тридцати участников выборов 1998 г. в том же виде приняли участие в выборах 2002 г., и только двум из них (КПУ и объединенным социал-демократам) удалось вновь преодолеть 4 %-ный избирательный барьер. Ни один из избирательных блоков 1998 г. не сохранился до выборов 2002 г.

Результаты избирательной кампании 2002 г. кроме высокой степени фрагментированности партийной системы Украины вновь продемонстрировали высокий уровень ее плюралистичности и регионализации. На этих выборах победу с результатом 23,57 % одержал избирательный блок «Наша Украина» В. А. Ющенко, занимавшего в 1999—2001 гг. пост премьер-министра. Участниками блока были преимущественно силы правоцентристского и национально-демократического толка (в том числе НРУ), также были представлены националисты (Конгресс украинских националистов) [29, с. 134]. Немногим более половины избирателей блока (около 53 %) составили жители семи западноукраинских областей. Еще примерно 27 % электората приходилось на столицу и шесть областей Центральной Украины. Коммунисты заняли второе место с результатом 19,98 %. Подавляющее большинство электората КПУ (около 71 %) проживало в десяти регионах Юго-Восточной Украины. Третье место с результатом 11,77 % занял пропрезидентский блок «За единую Украину». Около 60 % всех своих голосов он получил в шести областях Восточной и Южной Украины, при этом треть электората составили жители Донецкой области. Блок Ю. В. Тимошенко (БЮТ) (четвертое место, результат — 7,26 %) получил примерно 56 % всех своих голосов в Киеве и семи областях Западной и Центральной Украины. Около 63 % электората СПУ (пятое место, 6,87 %) составили жители восьми областей Центральной Украины [41, с. 218]. СДПУ(о) заняла шестое место (6,27 %). Ее максимальная поддержка вновь, хотя и в меньшей, чем на выборах 1998 г., степени, зафиксирована в Закарпатской области (13,94 %).

Анализ географии голосования парламентских выборов 1998 и 2004 гг. демонстрирует фактическую общность на них электората КПУ, НРУ и блока «Наша Украина», блока СПУ — СелПУ и СПУ. Исключением является СДПУ(о), за которую в 2002 г. в сравнении с 1998 г. стали активнее голосовать избиратели юго-востока страны [21, с. 128].

Выборы президента 2004 г. проходили в условиях острой конкуренции. Из 24 кандидатов 17 представляли политические партии. В. А. Ющенко, будучи формально беспартийным кан-

дидатом, был поддержан своим блоком «Наша Украина». Его основным конкурентом стал лидер Партии регионов (ПР), возникшей после распада в 2002 г. блока «За единую Украину», премьер-министр В. Ф. Янукович. Два кандидата представляли различные внешнеполитические векторы: В. А. Ющенко придерживался идеи европейского пути развития страны, В. Ф. Янукович выступал за сближение с Россией. На двоих оба кандидата набрали в первом туре подавляющее большинство голосов: 39,9 % у В. А. Ющенко и 39,26 % у В. Ф. Януковича. Второй тур прошел в активной борьбе, по его итогам победу одержал действующий премьер-министр с результатом 49,46 % против 46,61 % у В. А. Ющенко. В. Ф. Янукович взял верх во всех юго-восточных регионах, его соперник — в центральных и западных областях.

После объявления результатов сторонники В. А. Ющенко начали массовые протестные акции против официальных итогов выборов, обвиняя власть в масштабных фальсификациях. Эти события вошли в историю как «оранжевая революция», так как оранжевый цвет доминировал в символике протестующих. Команда В. Ф. Януковича пыталась провести митинги в его поддержку, однако они оказались неэффективными в силу ряда факторов. Во-первых, отсутствовала широкая заинтересованность среди населения Восточной Украины. Во-вторых, уверенная победа В. А. Ющенко в Киеве, где происходили основные послевыборные события, предоставила ему готовую социальную базу для протестов. Третий фактор был связан со сложностью мобилизации людей для политической активности в защиту позитивной повестки [43, с. 511].

Под давлением протестующих состоялся третий тур выборов, победителем которых стал В. А. Ющенко, набравший 51,99 % против 44,2 % у соперника. Исход голосования во многом стал результатом запроса широких слоев населения на кардинальное изменение политического курса [20, с. 43]. Наряду с этим В. А. Ющенко удалось приблизить часть русскоязычного электората, делая упор в своей предвыборной кампании на универсальные ценности: семью, частную собственность, борьбу с коррупцией [34, с. 44] и т. д.

Еще до третьего тура выборов Верховная Рада в условиях разгоревшегося в стране политического кризиса провела при поддержке президента страны Л. Д. Кучмы конституционную реформу. Ее положения ограничивали полномочия президента (теперь парламент формировал правительство) и увеличивали политический вес премьер-министра. Логика этой реформы предполагала снижение накала борьбы за кресло главы государства после двух туров, не выявивших победителя. Таким образом, Украина трансформировалась в парламентско-президентскую республику, против чего ранее, в 1996 г., активно выступал Л. Д. Кучма.

2.4. Электоральные процессы в годы президентства В. А. Ющенко

В. А. Ющенко, основная электоральная поддержка которого была в центральных и западных регионах Украины, в отличие от своих предшественников не стал «сдвигаться» навстречу противоположному (в данном случае восточнoукраинскому) электорату. Поэтому он резко активизировал национализирующую политику [24, с. 82], проявившуюся преимущественно в языковой и историко-культурной сферах.

С приходом к власти В. А. Ющенко произошел заметный рост влияния политических партий на власть, что проявилось в ряде аспектов. В частности, в 2005 г. президент стал почетным председателем партии Народный союз «Наша Украина» (НСНУ), образованной на базе одноименного блока. Наряду с этим абсолютное большинство министров нового правительства во главе с Ю. В. Тимошенко, а после ее отставки в сентябре 2005 г. кабинета министров Ю. И. Еханурова представляли партии, поддержавшие В. А. Ющенко на выборах. Аналогичная ситуация произошла с руководителями местных государственных администраций, посты в которых заняли представители партий — сторонников нового президента [41, с. 230].

Первые в годы президентства В. А. Ющенко общенациональные выборы 2006 г. продемонстрировали существенные изменения в расстановке политических сил. Первое место с

результатом 32,14 % заняла ПР, возглавляемая В. Ф. Януковичем. Это стало некоторым реваншем за поражение во время «оранжевой революции». Неожиданно ведущей политической силой национально-демократического лагеря стал БЮТ, за него проголосовало 22,29 %. Другой неожиданностью стало третье место (13,95 % голосов) пропрезидентского блока «Наша Украина», основной политической силой которого была НСНУ, что стало результатом разочарования населения в результатах «оранжевой революции» и правления В. А. Ющенко. Четвертое место заняла, пройдя в парламент, СПУ (5,69 % голосов). Значительный спад электоральной поддержки претерпела КПУ, набравшая 3,66 %. Среди существенных изменений в сравнении с предыдущими парламентскими выборами можно также выделить непопадание в Верховную Раду СДПУ(о), сформировавшую «антиоранжевый» Оппозиционный блок «Не так!», набравший 1,01 %.

География голосования на парламентских выборах 2006 г. продемонстрировала, что ПР, как и блок «За единую Украину» четырьмя годами ранее, получила основную поддержку на юго-востоке страны. Главный конкурент «регионалов» в лице БЮТ, напротив, пользовался наиболее высокой поддержкой в западных и центральных регионах. Большинство избирателей блока «Наша Украина» были жителями западных областей. СПУ вновь пользовалась преимущественно поддержкой в центральной части страны. В свою очередь голосование за КПУ в условиях резкого падения поддержки избирателей стало более территориально однородным. Относительно высоких результатов, кроме юго-восточной части страны, партия достигла в ряде регионов Центральной Украины: Кировоградская (6,07 %), Полтавская (5,43 %), Сумская (5,35 %) и Черниговская (5,45 %) области.

Результаты выборов стали предпосылкой для нового политического кризиса, что во многом было вызвано усилением роли парламента в политической системе страны [28, с. 141]. Предполагалось, что БЮТ, НСНУ и СПУ образуют «демократическую коалицию» в Верховной Раде и сформируют правительство. Однако СПУ во главе с А. А. Морозом присоеди-

лась к «антикризисной коалиции» регионалов и коммунистов, при поддержке которых неожиданно для «оранжевых» он был избран председателем Верховной Рады. В результате теперь уже «антикризисная коалиция» обладала численным преимуществом в парламенте. Более того, в нее вошло несколько депутатов БЮТ и НСНУ. В итоге главой правительства Украины был избран В. Ф. Янукович. Его кабинет министров, как и правительство Ю. В. Тимошенко до него, вступило в острый конфликт с президентом В. А. Ющенко, что привело к неконституционному роспуску Рады и внеочередным парламентским выборам 2007 г.

Результаты досрочного голосования подтвердили наличие сложившегося электорального раскола Украины между Западом и Центром, с одной стороны, и Югом и Востоком — с другой (рис. 2.2). Вновь основными конкурентами стали ПР и БЮТ, поддержка которых выросла по сравнению с 2006 г. «Регионалы» набрали 34,37 % голосов, партия Ю. В. Тимошенко — 30,71 %. Третье место с результатом 14,2 % занял сформировавшийся в преддверии выборов новый пропрезидентский блок «Наша Украина — Народная самооборона» (НУНС), как и ранее объединивший преимущественно партии национал-демократического толка. На четвертом месте оказались коммунисты, электоральная поддержка которых также выросла (5,39 %). Пятой силой, прошедшей в парламент, стал Блок Литвина (БЛ), набравший 3,96 %. СПУ, получив 2,86 % голосов, впервые, начиная с выборов в 1994 г., представительства в Верховной Раде не получила. Падение электоральной поддержки некогда одной из сильнейших партий страны вызвано дискредитацией социалистов, перешедших по конъюнктурным соображениям после выборов 2006 г. из «оранжевого» лагеря в стан противников. Таким образом, избиратель не простил СПУ готовность менять политических союзников в обмен на руководящие должности своих лидеров. Кроме того, негативно на электоральном потенциале социалистов сказалось и то, что партию в результате таких перебежек покинул ряд ярких политиков (в частности, Ю. В. Луценко и И. В. Винский) [33, с. 4].

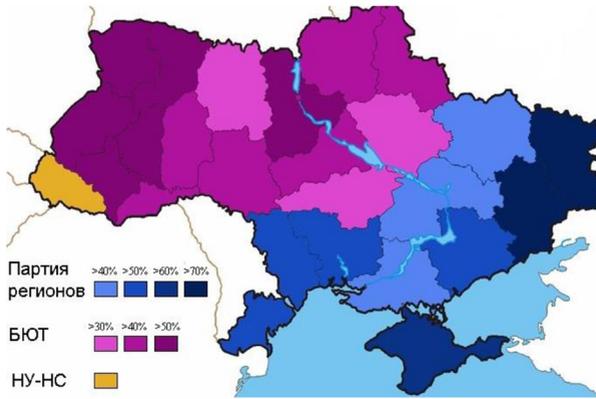

Рис. 2.2. Результаты выборов в Верховную Раду 2007 г.

Источник: [46].

Политическое противостояние в Верховной Раде нового созыва привело к тому, что за время ее работы сменилось несколько правящих коалиций. Первая коалиция (Коалиция демократических сил) была «оранжевой» по своему составу, включая БЮТ и НУНС. Главой правительства стала Ю. В. Тимошенко. «Регионалы» и коммунисты ушли в оппозицию, БЛ занял нейтральную позицию.

Осенью 2008 г. правящая коалиция распалась. Президент В. А. Ющенко издал указ о роспуске парламента, однако после судебного разбирательства отменил свое решение. В итоге БЮТ и НУНС при участии БЛ создали новую правящую коалицию, просуществовавшую до выхода из нее БЛ в марте 2010 г., вскоре после того, как на президентских выборах в январе — феврале того же года одержал победу В. Ф. Янукович.

После распада коалиции была принята поправка к регламенту Верховной Рады, которая дала возможность депутатам становиться членами коалиции вне зависимости от своей фракционной принадлежности. Эта поправка позволила создать новую коалицию с участием депутатов от фракций ПР, КПУ и БЛ, а также незначительного количества депутатов от

БЮТ и НУНС. До конца созыва парламентское большинство и оппозиция продолжали жесткое противостояние, готовясь к очередной избирательной кампании [28, с. 144]. При поддержке нового состава правящей коалиции Конституционным судом была отменена конституционная реформа 2004 г., таким образом, Украина вновь стала президентско-парламентской республикой, что существенно расширило полномочия нового главы государства.

2.5. Электоральные процессы на Украине как предпосылка острого социально-политического кризиса в годы президентства В. Ф. Януковича

Противостояние между ветвями государственной власти Украины, крайняя неустойчивость правящих коалиций в парламенте стали прологом для острого социально-политического кризиса, начавшегося в 2014 г. Во многом понять его природу помогает пространственный анализ электоральных процессов, предшествовавших ему. В данном случае интерес представляет национализация партийной системы Украины. Под ней понимается унификация электоральной поддержки политических партий в различных территориальных единицах государства. Если доли голосов участников выборов в них одинаковы, то партийную систему такого государства называют полностью национализированной. Напротив, если участники выборов получают высокую степень поддержки только в отдельных регионах, то приходится говорить о ненационализированной (регионализированной) партийной системе [12, с. 128—156]. Национализация партийной системы означает, что деятельность политических партий охватывает всю территорию государства, в результате чего региональные особенности электорального поведения становятся менее отчетливыми. Однако это не указывает на абсолютную однородность электоральных предпочтений, выражающуюся в повсеместной поддержке какой-то политической партии.

В качестве одного из методов анализа территориальной дифференциации голосования могут выступать статистические расчеты коэффициентов вариации электоральной поддержки

(V), которые представляют собой выраженное в процентах соотношение среднего квадратического отклонения и среднего арифметического значения. Низкий коэффициент вариации означает, что электоральная поддержка участника выборов не имеет существенных отличий между разными территориальными единицами. Высокий показатель позволяет утверждать о значительной территориальной неоднородности электоральной поддержки, его регионализированности [16, с. 240]. Низким коэффициент вариации принято считать, если его показатели менее 25 %, средним — от 25 до 50 %, высоким — свыше 50 % [39, с. 104]. Также выделяется сверхвысокий уровень коэффициента вариации (свыше 70 %) [18].

Актуальность анализа дифференциации голосования на Украине обусловлена достаточно высокой социокультурной неоднородностью страны [42, с. 258], связанной с тем, что различные ее территории находились в составе соседних государств в разные исторические эпохи. Это, а также различный экономический уклад территорий [23, с. 10] (разделение на старопромышленные и аграрно-индустриальные районы) предопределили политический раскол Украины на Восток и Запад [30, с. 157]. Таким образом, изучение географии голосования позволяет выявить зависимость между происходившими во время политического кризиса на Украине масштабными политическими изменениями, развитием партийной системы страны, а также трансформацией ее электорального ландшафта. В качестве показателей для электорального анализа использовались результаты голосования в каждом регионе Украины (кроме Автономной Республики Крым и Севастополя, находившихся в составе страны до 2014 г.).

На общенациональных выборах 2010 и 2012 гг. основными конкурентами были В. Ф. Янукович и Ю. В. Тимошенко (на президентских), ПР и «Батькивщина» (на парламентских). Максимальную поддержку победившие на выборах «регионалы» (30,01 %) и их лидер (35,32 % в первом туре и 48,95 % во втором) вновь получили преимущественно в юго-восточных регионах страны: Харьковской, Одесской, Луганской, Николаевской, Днепропетровской, Запорожской областях, Севастополе и Автономной Республике Крым. На общем фоне выделилась Херсонская

область, где ПР и В. Ф. Янукович также одержали победу, но со значительно меньшим отрывом от своих ближайших конкурентов [2, с. 70] (рис. 2.3). В 2012 г. ПР также набрала больше всех голосов в Закарпатской области. Этот регион территориально находится на западе страны и отличается особым этническим составом населения (значительную долю составляют венгры).

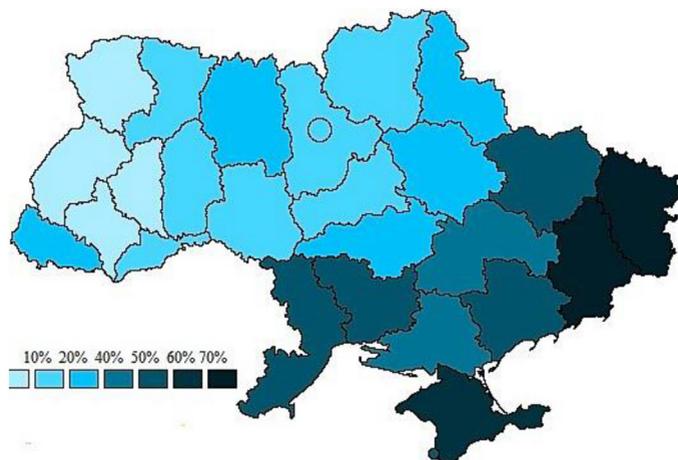

Рис. 2.3. Электоральная поддержка В. Ф. Януковича в первом туре президентских выборов 2010 г.

Источник: [47].

Дифференциация голосования за победившего во втором туре В. Ф. Януковича ($V = 69,4\%$) и ПР ($V = 58,9\%$) демонстрировала достаточно высокие показатели, отражающие регионализированный характер их электоральной поддержки (рис. 2.4).

КПУ, открыто заявлявшая о своем пророссийском курсе, заняла в 2012 г. во всех регионах, где победила ПР (кроме Закарпатя), второе место [13, с. 32]. Голосование за КПУ (13,18 %) и ее лидера П. Н. Симоненко (3,54 %) на президентских выборах 2010 г. также демонстрировало высокую степень дифференци-

ации. Коэффициенты вариации их электоральной поддержки: 58,8 и 55 % соответственно. Впоследствии именно коммунисты вместе с «регионалами» образуют в Верховной Раде правящую коалицию и сформируют правительство во главе с лидером последних Н. Я. Азаровым.

Рис. 2.4. Показатели электоральной поддержки и дифференциации голосования на выборах 2010 и 2012 гг.¹

Источник: [17, с. 128].

В абсолютных цифрах результат В. Ф. Януковича был несущественно выше, чем на выборах 2004 г. (12 481 268 человек против 12 808 839). Однако этого было достаточно для того, чтобы процент его поддержки возрос в сравнении с предыдущими президентскими выборами примерно на 4 %. Это произошло главным образом по причинам большей плотности населения в проголосовавших за него регионах Украины, снижения явки и роста голосования «против всех» (в итоговых турах: 4,36 % против 2,34 %).

На этом фоне за Ю. В. Тимошенко во втором туре проголосовало значительно меньше избирателей, чем за В. А. Ющенко в третьем в 2004 г. (11 593 340 против 15 054 353) [25, с. 19—20].

¹ Используемые сокращения: Коммунистическая партия Украины (КПУ), «Партия регионов» (ПР).

В процентных показателях: 45,47 % против 51,99 %. В то же время география голосования за Ю. В. Тимошенко имела схожий характер с географией электоральной поддержки В. А. Ющенко в 2004 г. (рис. 2.5).

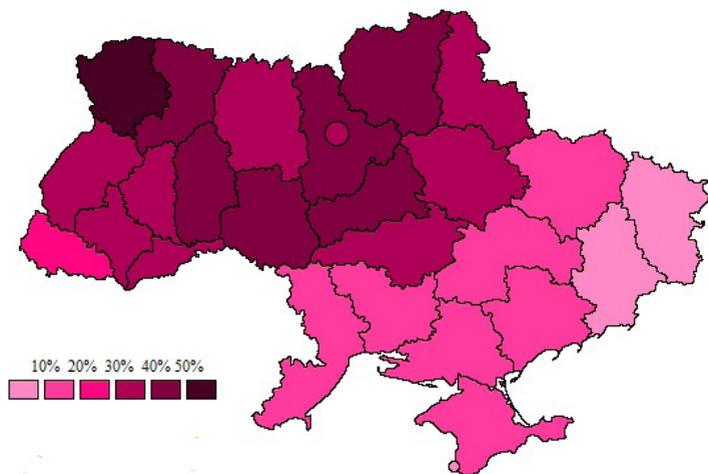

Рис. 2.5. Электоральная поддержка Ю. В. Тимошенко в первом туре президентских выборов 2010 г.

Источник: [47].

В 2010 г. среди кандидатов, ориентированных на сотрудничество с Россией, кроме В. Ф. Януковича и П. Н. Симоненко, можно также выделить С. Л. Тигипко, занявшего третье место с результатом 13,06 %. Коэффициент вариации голосования за этого кандидата продемонстрировал среднее значение ($V = 38\%$).

Электоральная поддержка сил, придерживающихся евроатлантического вектора, хотя и достигала максимальных значений в центре и на западе Украины, однако отличалась большей территориальной однородностью. Коэффициент вариации голосования за Ю. В. Тимошенко (результат в первом туре — 25,05 %, во втором туре — 45,47 %) был 47,4 %, возглавляемую

ею партию «Батькивщина» (результат — 25,53 %) — 39,3 %, А. П. Яценюка (6,96 %) — 46,3 %. Дифференциация голосования за партию УДАР («Украинский демократический альянс за реформы»), занявшую на парламентских выборах третье место с результатом 13,96 %, продемонстрировала еще меньший показатель ($V = 28,5\%$).

Таким образом, к 2010 г. ориентированные на Запад силы постепенно находили своего избирателя на юго-востоке страны, что стало продолжением процесса сокращения ареала поддержки пророссийских сил [44, с. 106], начавшегося в 1990-е гг. Исключение — показатель дифференциации голосования за действующего на тот момент президента В. А. Ющенко ($V = 139,4\%$), за которого проголосовало 5,45 % избирателей. Его электоральная поддержка отличалась высокой регионализированностью (значительный уровень поддержки исключительно в Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областях) (рис. 2.6).

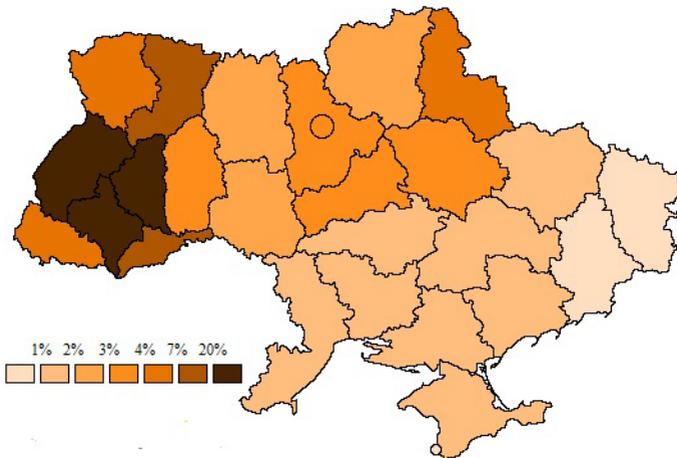

Рис. 2.6. Электоральная поддержка В. А. Ющенко в первом туре президентских выборов 2010 г.

Источник: [47].

Схожая география голосования с характерной для нее регионализированностью была присуща националистической партии «Свобода» (результат — 10,44 %) ($V = 90,4\%$), одержавшей победу во Львовской области.

Отсутствие участников выборов с территориально однородной поддержкой избирателей означало наличие в предкризисный период электорального раскола Украины, возникшего вследствие усиления этнокультурной и региональной поляризации населения [13, с. 31].

2.6. Особенности электоральной поддержки на Украине на выборах 2014 года

Выборы 2014 г. состоялись на волне острого политического кризиса, результатом чего стали распад ПР, отставка правительства Н. Я. Азарова и вынужденный уход с поста президента В. Ф. Януковича. Следствием этого кризиса стало возвращение к Конституции 2004 г. и превращение Украины вновь в парламентско-президентскую республику.

В Верховной Раде в преддверии досрочных выборов была сформирована новая правящая коалиция «Европейский выбор», включившая «Батькивщину», УДАР, «Свободу» и ряд депутатов, избранных в 2010 г. по списку ПР. Эти политические силы поддержали создание нового Кабинета министров во главе с А. П. Яценюком, состоявшим в то время в партии «Батькивщина». Членами правительства наряду с однопартийцами премьер-министра и беспартийными стали представители партии «Свобода». Последние получили второстепенные портфели в высшем исполнительном органе власти. Однако сам факт включения в правительство членов партии, известной своими крайне националистическими, в том числе антисемитскими, высказываниями, вызвал серьезное беспокойство в странах ЕС [6, с. 217]. Временно исполняющим обязанности главы государства стал однопартиец А. П. Яценюка А. В. Турчинов. Одним из первых действий правящей коалиции стала отмена закона о региональных языках на Украине, гарантировавшего русскоязычным регионам страны право на использование в делопроизводстве русского языка. Эта акция стала одной из

важных предпосылок, приведших впоследствии к затяжному военно-политическому конфликту на территории юго-востока Украины [32, с. 173].

По итогам выборов 2014 г. «старые» партии (КПУ, «Свобода», «Батькивщина», «Гражданская позиция»), возникшие в результате раскола «регионалов» «Сильная Украина» (СУ) и «Оппозиционный блок» (ОБ), а также их лидеры (П. Н. Симоненко, Ю. В. Тимошенко, А. С. Гриценко, С. Л. Тигипко, М. М. Добкин) утратили доверие значительной части электората. Более того, все упомянутые партии, за исключением «Батькивщины» и ОБ, набравших 5,68 и 9,42 % соответственно, не сумели сформировать фракции в Верховной Раде.

Утрата коммунистами и бывшими «регионалами» значительной части голосов на выборах 2014 г. была во многом связана с потерей Украиной Крыма, где эти силы традиционно пользовались широкой поддержкой избирателей [36, с. 32—41]. Также потерпел поражение на выборах и их идеологический антагонист — националистическая партия «Свобода». Это стало следствием произошедших после Евромайдана изменений в политической системе страны. Прохождение «свободовцев» в парламент в 2012 г. было во многом реакцией на проводимый с 2010 г. пророссийский курс правительства. После его свержения потребность в радикальной оппозиции исчезла, поэтому тот успех оказался для партии весьма кратковременным. Ее поддержку не смогли повысить даже благоприятные для украинских этноцентристов изменения в структуре общего электората Украины, вызванные потерей Крыма и войной на Донбассе [40, с. 87—88].

Сложившийся вакуум сумели заполнить новые политические силы, что было отражением общественного запроса жителей Украины на новые лица в политике. Этот тренд проявится в последующем, в ходе избирательных кампаний 2019 г. Представительство в парламенте кроме упомянутых ОБ и «Батькивщины» получили отколовшийся от «Батькивщины» «Народный фронт» (НФ) (результат — 22,14 %) во главе в премьер-министром А. П. Яценюком, пропрезидентский Блок Петра Порошенко (БПП) (в его состав вошла партия УДАР) (21,82 %), созданная мэром Львова А. И. Садовым партия «Самопомощь»

(10,97 %) и «Радикальная партия» (РП) О. В. Ляшко (7,44 %). Таким образом, итоги выборов 2014 г. произвели трансформацию партийной системы страны.

Второго декабря 2014 г. БПП, НФ, «Самопомощь», РП и «Батькивщина» образовали коалицию «Европейская Украина» и сформировали второе правительство А. П. Яценюка. Работа нового Кабинета министров проходила в условиях вооруженного конфликта на территории Донбасса и тяжелого экономического кризиса, повлекшего значительное падение уровня жизни. Поэтому судьба данного правительства была во многом предрешена, особенно с учетом имеющихся серьезных разногласий внутри правящей коалиции. В сентябре 2015 г. из нее вышла РП. В феврале 2016 г. ее примеру последовали «Батькивщина» и «Самопомощь». В результате в апреле того же года произошла отставка А. П. Яценюка с должности главы правительства. Новым премьер-министром стал председатель Верховной Рады, член БПП В. Б. Гройсман, поддержанный парламентариями своей фракции, НФ и частью внефракционных депутатов. В этой должности руководитель Кабинета министров пробыл вплоть до августа 2019 г., когда на Украине наступил новый электоральный цикл.

В ходе выборов 2014 г. различия в дифференциации голосования и уровне электоральной поддержки между прозападными кандидатами и участниками, выступавшими за тесное сотрудничество с Россией, стали еще более выраженными (рис. 2.7). Электоральная поддержка последних (С. Л. Тигипко, М. М. Добкин, П. Н. Симоненко, КПУ, СУ и ОБ) заметно сократилась в сравнении с предыдущим периодом (среднее значение голосов по регионам — менее 10 %). А ареал их поддержки стал еще более территориально компактным (регионализированным) — коэффициенты вариации достигли сверхвысоких показателей ($V > 80\%$). Дифференциация голосования за прозападные силы обрела средние значения в диапазоне от 19,7 % у П. А. Порошенко, победившего в первом туре на президентских выборах 2014 г., до 45 % у крайних националистов в лице партии «Свобода». В то же время

вновь в Центральной и на Западной Украине избиратели активнее голосовали за прозападных участников выборов, чем на юго-востоке страны.

Наряду с этим электоральный ландшафт Украины в 2014 г. претерпел относительную консолидацию в условиях снижения степени поляризации по дихотомии «Запад — Восток» [15, с. 529]. Ярким тому примером является дифференциация электоральной поддержки П. А. Порошенко на выборах 2014 г. ($V = 19,7\%$), которая была существенно более территориально однородной, чем у вышедших во второй тур в 2010 г. Ю. В. Тимошенко ($V = 47,4\%$) и В. Ф. Януковича ($V = 69,4\%$). Этот факт вместе с заметным снижением дифференциации голосования за прозападные силы позволяет констатировать, что в 2014 г. электоральный раскол страны стал менее значительным.

Рис. 2.7. Показатели электоральной поддержки и дифференциации голосования на выборах 2014 г.¹

Источник: [17, с. 128].

¹ Используемые сокращения: «Батькивщина» (Батьк), Блок Петра Порошенко (БПП), «Гражданская позиция» (ГП), Коммунистическая партия Украины (КПУ), «Народный фронт» (НФ), «Оппозиционный блок» (ОБ), «Радикальная партия» (РП), «Сильная Украина» (СУ).

2.7. Особенности электоральной поддержки на Украине на выборах 2019 года

Итоги выборов 2019 г. продемонстрировали, что партийная система страны претерпела новую трансформацию, в результате чего она фактически обрела совершенно иную конфигурацию. Это позволило исследователям заявлять о формировании третьей украинской партийной системы, с учетом существовавшей с 1991 по 2012 г. первой и сформировавшейся в 2014 г. второй [31, с. 201]. Главной особенностью новой партийной системы стало то, что впервые в истории Украины одна партия получила право самостоятельно формировать правительство, что и было сделано в августе 2019 г., когда Кабинет министров возглавил А. В. Гончарук. Этой политической силой стала партия нового президента страны В. А. Зеленского, одержавшего в том же году уверенную победу, «Слуга народа» (СН). Свое название она получила по одноименному сериалу, в котором главную роль главы государства сыграл сам В. А. Зеленский.

В то же время ГП, «Самопомощь», «Свобода» и НФ в 2019 г. перестали обладать существенным электоральным потенциалом (их средний результат по стране — менее 3 %) (рис. 2.8). Также в сравнении с предыдущими избирательными кампаниями снизилась поддержка РП и ее руководителя О. В. Ляшко. Значительно уменьшился электоральный потенциал у П. А. Порошенко и его партии «Европейская солидарность» (ранее БПП), совершившей ребрендинг по причине поражения своего лидера на президентских выборах 2019 г.

Изменилась и специфика электоральной географии Украины. Если в 2014 г. дифференциация голосования за П. А. Порошенко и его блок была на низком уровне, то уже в 2019 г. она достигла высоких показателей (коэффициенты вариации: 45,4 и 54,4 % соответственно). Это заметно отразилось на географии поддержки П. А. Порошенко, который во втором туре президентских выборов 2019 г. сумел набрать большинство голосов только во Львовской области (рис. 2.9).

Рис. 2.8. Показатели электоральной поддержки и дифференциации голосования на выборах 2019 г.¹

Источник: [17, с. 129].

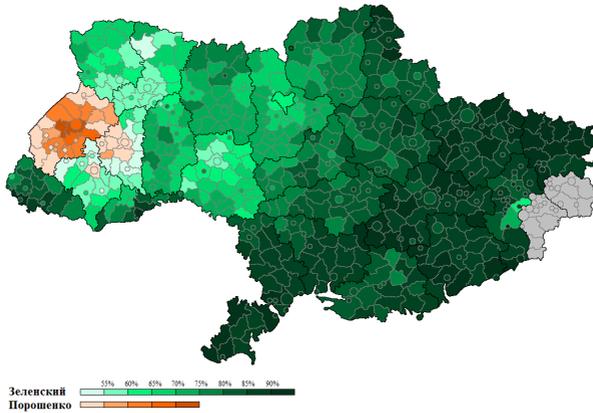

Рис. 2.9. Распределение голосов за В. А. Зеленского и П. А. Порошенко во втором туре президентских выборов 2019 г.

Источник: [48].

¹ Используемые сокращения: «Батькивщина» (Батьк), «Европейская солидарность» (ЕС), «Оппозиционная платформа — За жизнь» (ОП—ЗЖ), «Оппозиционный блок» (ОБ), «Радикальная партия» (РП), «Сила и Честь» (Сич), «Слуга народа» (СН)

Участники выборов, ратовавшие за тесное сотрудничество с Россией («Оппозиционная платформа — За жизнь» (ОП—ЗЖ), ОБ, А. Ю. Вилкул и Ю. А. Бойко), несколько улучшили свои электоральные показатели. Однако их поддержка по-прежнему оставалась сугубо регионализированной (значения коэффициентов вариации превысили показатель 80 %). Даже ареал голосования за ОП—ЗЖ как за наиболее успешного участника выборов от данной группы политических сил, по сути, ограничивался юго-восточными регионами Украины (рис. 2.10).

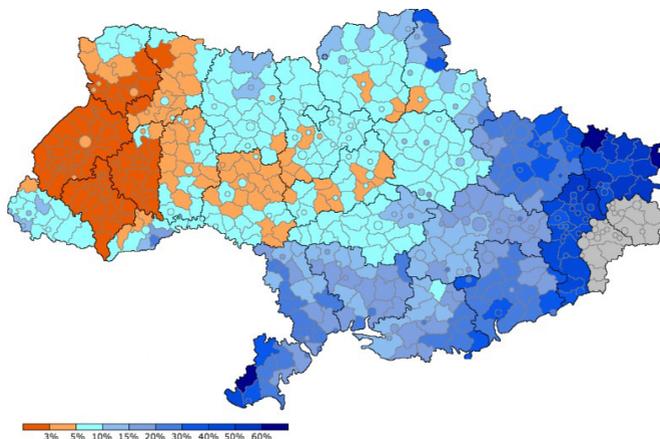

Рис. 2.10. Распределение голосов за партию «Оппозиционная платформа — За жизнь» на выборах в Верховную Раду 2019 г.

Источник: [49].

Во многом фактором успеха данной партии в этой части страны стало ее неприятие законов о языке и образовании, дискриминирующих языковые меньшинства и утверждающих статус украинского языка как единственного государственного [10, с. 275—277]. Однако даже эти обстоятельства не позволили

ОП—ЗЖ и ее кандидату на пост главы государства Ю. А. Бойко реально претендовать на формирование правительства или победу в президентской гонке.

Схожий с ОП—ЗЖ крайне высокий статистический показатель дифференциации голосования зафиксирован у прозападной партии «Голос» ($V = 93,6\%$), созданной фронтменом группы «Океан Эльзы» С. И. Вакарчуком и не имевшей региональных отделений к началу избирательной кампании. Высокий уровень поддержки данной партии зафиксирован исключительно в западных регионах Украины (за исключением Закарпатской области). На этом фоне победившие на выборах В. А. Зеленский ($V = 29,2\%$) и его партия «Слуга народа» (СН) ($V = 20,8\%$) сумели консолидировать вокруг себя значительную часть электората в разных частях страны (рис. 2.11).

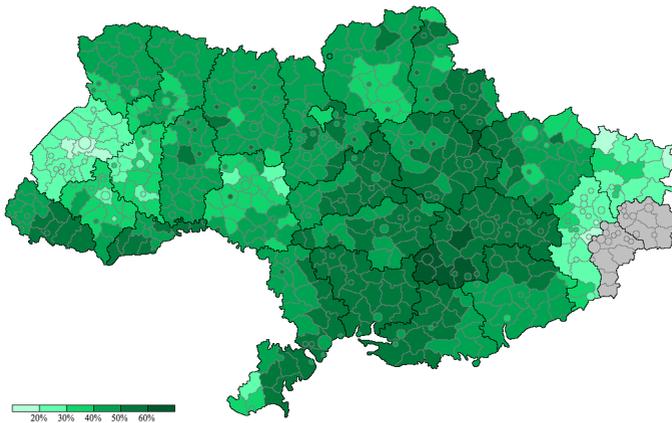

Рис. 2.11. Распределение голосов за партию «Слуга народа» на выборах в Верховную Раду 2019 г.

Источник: [49].

Однако этот факт не означал окончательного исчезновения раскола украинского электората между востоком и западом страны. Относительно высокая территориальная однород-

ность поддержки СН и ее лидера во многом была обусловлена их абстрагированностью от пространственной поляризации электората и апелляцией к универсальным общественным интересам: требованиями борьбы с коррупцией и проведения масштабных социально-политических преобразований [15, с. 526].

2.8. Специфика явки на выборах в регионах Украины

Территориальные различия активности избирателей анализировались путем вычисления коэффициента явки. Он представляет собой соотношение процента явки в отдельном регионе страны к ее среднему значению среди всех административно-территориальных единиц Украины. Значение коэффициента выше 105 % означает высокий уровень явки, от 95 до 105 % — средний уровень и ниже 95 % — низкий.

При анализе явки выделены три группы регионов Украины:

— Запад (Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровненская, Тернопольская и Черновицкая области);

— Центр (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская области и город Киев);

— Юго-восток (Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская и Херсонская области).

В ходе анализа выборов 2014 г. не учитывались показатели явки в Донецкой и Луганской областях, поскольку в это время в регионах велись боевые действия, оказавшие непосредственное влияние на активность избирателей.

Такая группировка регионов широко используется в исследованиях [37, с. 255], в том числе посвященных анализу электорального поведения [9, с. 37] жителей Украины. Она обусловлена значительными расхождениями общественных настроений населения этих макрорегионов относительно вопросов, касающихся геополитической ориентации страны [5, с. 110—111], статуса русского языка [3, с. 46] и т. д. [22, с. 48].

вание этих различий обусловлено главным образом сложными историческими и социально-политическими процессами: нахождением в составе разных государств, формированием отличных друг от друга укладов экономики и этно-конфессиональных составов населения. В результате можно говорить о наличии ментальных особенностей, присущих жителям макро-регионов Украины.

В абсолютном большинстве западных регионов в течение 2010—2019 гг. произошли существенные изменения уровня явки (табл. 2.1). На выборах 2010—2014 гг. на западе Украины зафиксирован стабильно высокий уровень, в 2019 г. — преимущественно средний.

Таблица 2.1

Уровни явки в западных регионах Украины (%)

Область	Президент, I тур (2010)	Президент, II тур (2010)	ВР (2012)	Президент (2014)	ВР (2014)	Президент, I тур (2019)	Президент, II тур (2019)	ВР (2019)
Волынская	111,4	110,1	111,9	114,9	123,6	108,9	105,1	99,7
Закарпатская	85,3	82,2	87,9	81,8	85,1	74,8	75,8	82,2
Ивано-Франковская	106,3	109,9	105,5	118,4	121,3	98,6	98,0	85,2
Львовская	110,8	109,8	114,3	125,1	133,3	109,7	110,0	95,4
Ровненская	107,2	107,6	105,3	113,6	113,5	103,5	99,2	95,6
Тернопольская	109,9	113,4	113,8	121,8	130,1	105,3	104,7	97,5
Черновицкая	89,6	89,8	101,7	98,4	92,4	89,3	88,4	76,2

Примечание: жирным шрифтом выделены высокие уровни явки, курсивом — низкие.

Источник: [17, с. 130].

Причем в 2014 г. произошел значительный всплеск активности избирателей, проживающих в западной части страны, особенно на фоне остальной Украины (рис. 2.12—2.13).

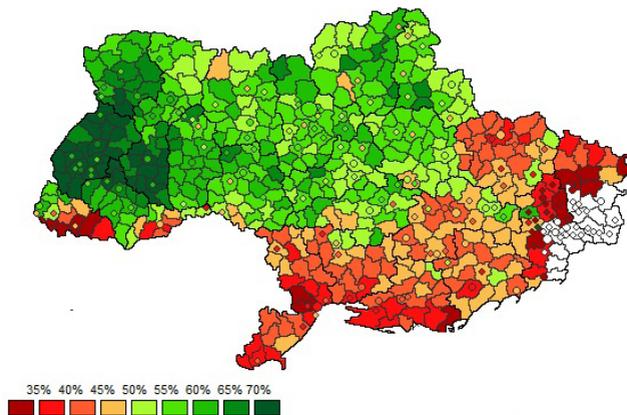

Рис. 2.12. Явка на выборах в Верховную Раду 2014 г.

Источник: [50].

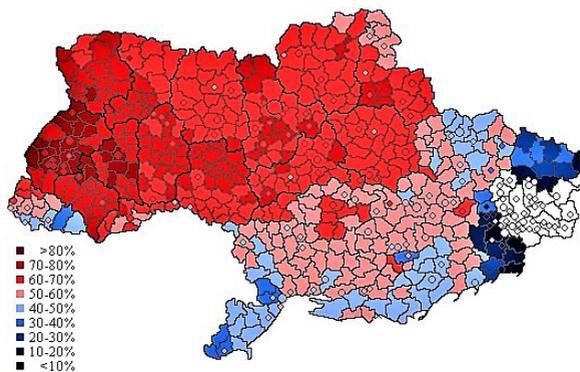

Рис. 2.13. Явка на президентских выборах 2014 г.

Источник: [45].

Это, по всей видимости, было обусловлено желанием данного электората максимально вытеснить из политической системы страны пророссийские силы, не пользовавшиеся популярностью в ее западной части.

В то же время в 2019 г., когда силы, ориентированные на тесное сотрудничество с Россией, уже не претендовали на итоговую победу на выборах, явка на западе страны существенно снизилась. На фоне других западноукраинских областей традиционно отличаются невысоким уровнем явки Закарпатская и Черновицкая области. Кроме того, данные регионы выделяются на Западной Украине тем, что их жители не оказывают активную поддержку силам, выступающим с националистических позиций. Это связано как с неоднородностью этнического состава этих регионов, так и с их историческим прошлым. Закарпатье и Буковина, включавшая современную Черновицкую область, не входили в состав межвоенной Польши, где во многом сформировалась идеология украинского национализма [24, с. 78].

Обратная ситуация происходила в регионах юго-востока (табл. 2.2). В 2014 г. во всех юго-восточных областях Украины произошло существенное падение явки, достигшей крайне низких показателей. Во многом это связано с деморализацией электората, вызванной развалом ПР и потерей власти В. Ф. Януковичем, стабильно пользовавшихся поддержкой избирателей юго-востока в течение 2000-х гг. Однако спад начался еще на выборах в Верховную Раду 2012 г. Поскольку это снижение носило общий характер, можно констатировать, что уже к тому моменту возможности «регионалов» и коммунистов по мобилизации избирателей в своем электоральном ареале стали снижаться. В 2019 г. уровень избирательной активности в юго-восточных регионах Украины (кроме Донецкой и Луганской областей) даже несущественно превысил показатели, характерные для выборов 2010 и 2012 гг. Это связано с окончанием деморализации, произошедшей в условиях кризиса 2014 г., и феноменом В. А. Зеленского, сумевшего победить во втором туре президентских выборов практически во всех регионах страны (кроме Львовской области).

Таблица 2.2

Уровни явки в юго-восточных регионах Украины (%)

Область	Президент, I тур (2010)	Президент, II тур (2010)	ВР (2012)	Президент (2014)	ВР (2014)	Президент, I тур (2019)	Президент, II тур (2019)	ВР (2019)
Днепропетровская	99,5	97,4	90,3	88,8	91,2	105,1	107,7	105,5
Донецкая	104,8	112,2	101,5	«→»	61,7	94,7	93,5	97,5
Запорожская	102,1	100,4	95,4	81,8	89,9	102,5	105,1	105,7
Луганская	106,8	108,5	98,3	«→»	62,7	90,4	92,2	107,9
Николаевская	95,9	96,5	88,9	82,6	81,5	95,9	99,2	97,0
Одесская	94,7	92,4	84,5	73,6	75,2	93,0	96,4	93,2
Харьковская	97,6	98,0	90,5	76,6	86,3	102,7	105,7	104,1
Херсонская	91,0	87,9	86,7	82,2	78,9	91,9	93,8	92,1

Примечание: жирным шрифтом выделены высокие уровни явки, курсивом — низкие.

Источник: [17, с. 131].

Изменения уровня явки в центральных областях Украины оказались наименее значительными в период с 2014 по 2019 г. (табл. 2.3). Несмотря на несущественный рост в 2014 г., в целом для регионов данной группы характерен преимущественно средний уровень активности избирателей.

Таблица 2.3

Уровни явки в центральных регионах Украины (%)

Область	Президент, I тур (2010)	Президент, II тур (2010)	ВР (2012)	Президент (2014)	ВР (2014)	Президент, I тур (2019)	Президент, II тур (2019)	ВР (2019)
Винницкая	102,4	103,4	107,2	105,6	110,7	103,7	102,1	102,7
Житомирская	97,0	97,5	101,0	105,6	108,0	102,9	100,0	103,6
Киев	99,2	98,0	105,8	100,3	105,3	108,4	107,7	94,5

Окончание табл. 2.3.

Область	Президент, I тур (2010)	Президент, II тур (2010)	ВР (2012)	Президент (2014)	ВР (2014)	Президент, I тур (2019)	Президент, II тур (2019)	ВР (2019)
Киевская	97,4	96,8	105,6	109,4	109,0	105,9	104,9	101,6
Кировоградская	95,2	92,3	92,5	96,5	102,3	98,7	98,9	106,0
Полтавская	99,2	97,4	98,6	103,5	103,8	104,8	106,0	113,4
Сумская	97,6	97,2	98,3	99,0	104,0	102,7	102,8	107,9
Хмельницкая	104,4	104,5	106,1	111,4	114,7	103,7	102,5	110,1
Черкасская	96,2	96,4	104,8	104,8	106,9	100,6	99,5	108,2
Черниговская	99,4	100,3	104,1	103,2	108,6	104,1	102,3	113,9

Примечание: жирным шрифтом выделены высокие уровни явки, курсивом — низкие.

Источник: [17, с. 131].

Контрольные вопросы

1. Можно ли считать, что результаты всесоюзного и всеукраинского референдумов в Украинской ССР всецело отражали общие настроения ее жителей по вопросам сохранения СССР и обретения Украиной независимости?

2. Какие историко-культурные и иные факторы влияли на формирование электорального раскола Украины на Запад и Юго-восток начиная с 1991 г.?

3. Какие были причины конфликтов между депутатами Верховной Рады и президентом Украины в 1990-е гг.? Как эти конфликты отражались на избирательных кампаниях?

4. Как менялась динамика электоральной поддержки политических партий Украины?

5. Повлиял ли переход от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе в 1990-е гг. на состав Верховной Рады?

6. Как менялась дифференциация голосования на Украине?

7. Как менялись показатели явки на выборах? Отличаются ли показатели явки в регионах на президентских и парламентских выборах?

Практические задания

1. Выделите электоральные циклы выборов на Украине согласно изменениям географии голосования, электоральной поддержки.
2. Охарактеризуйте различия в явке избирателей в регионах Юго-Восточной, Центральной и Западной Украины. Выделите регионы, отличающиеся показателями явки от других регионов в своей территориальной группе.

Список рекомендуемой литературы

1. *Акопян Д. А.* Роль и статус русского языка как показатель эволюции украинской политической системы // Управленческое консультирование. 2013. № 5 (53).
2. *Алексян А. К.* Электоральная регионализация США и Украины: сравнительный анализ // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 7 (74).
3. *Баранов А. В.* Факторы электорального поведения в России и Украине: сравнительный анализ // PolitBook. 2012. № 1.
4. *Белецкий М. И., Толыго А. К.* Национально-культурные и идеологические ориентации населения Украины по данным социологических опросов // Полис. Политические исследования. 1998. № 4.
5. *Билан Ю. В., Демкив О. Б.* На пороге «союза закрытых дверей»: социальный портрет украинских еврооптимистов и евроскептиков // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3.
6. *Богдашкин А. А., Теплухин В. В.* Политологи о праворадикальном национализме в современной Украине // Власть. 2014. № 10.
7. *Борисов Н. А.* Между идеологией и правом: Правовые и политические аспекты выхода союзных республик из СССР // Новый исторический вестник. 2020. № 4 (66).
8. *Борисов Н.* «Революционные» и «постреволюционные» процессы на постсоветском пространстве: правомерен ли сравнительный анализ? (на материалах Украины и Кыргызстана) // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47).
9. *Бужин А. Ю.* Электоральная дифференциация Украины на выборах президента в 2014 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2014. № 4.

10. *Вавилов А. Н.* Эволюция программ украинских политических партий в 2014—2019 гг. как отражение тенденций социально-политического развития Украины // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6.

11. *Головаха Е.* Выборы президента Украины в социологическом ракурсе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 4.

12. *Голосов Г. В., Григорьев В. С.* Национализация партийной системы: российская специфика // Политическая наука. 2015. № 1.

13. *Жильцов С. С.* Парламентские выборы на Украине: внешние и внутренние факторы // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2013. № 2.

14. *Казин Ф. А.* Конституционная реформа в Украине. От президентской Республики к парламентской // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 3.

15. *Ковбас Е. С., Доманов А. О.* Пространственный анализ трансформации электорального поведения на выборах в Верховную Раду Украины под влиянием политического кризиса 2013—2014 гг. // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 6.

16. *Кришталь М. И.* Пространственные особенности электорального конформизма в России в 2000-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3.

17. *Кришталь М. И.* Электоральное поведение избирателей Украины в кризисные периоды // Современная Европа. 2021. № 2.

18. *Кришталь М. И.* Электоральное пространство Калининградской области в системе социально-политических отношений : дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2017.

19. *Крутиков А. А.* «Часть депутатов колебалась до последнего момента». На пути к украинской независимости // Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 2/3 (25/26).

20. *Куценко О. Д.* Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15, № 3.

21. *Лизунков А. В.* Электорат Украины: пространственная структура и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7: Геология. География. 2005. № 2.

22. Максименюк М. Ю. Пути и направления формирования социальной, этнонациональной и региональной идентичности в Украине // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1.

23. Мартынов В. Л., Олифир Д. И. «Пространственный излом» современной Украины: цивилизационный или формационный раскол? // Псковский регионологический журнал. 2016. № 1 (25).

24. Миллер А. И. Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1.

25. Мироненко В. И. Россия долго запрягает... (Российское влияние и президентские выборы в Украине 2010 г.) // Современная Европа. 2010. № 2.

26. Навка И. П., Рагозин Н. П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания. Донецк, 1998.

27. Наумов А. О. Роль кампании «Украина без Кучмы» в нарастании общественно-политического кризиса на Украине в начале XXI века // Genesis: исторические исследования. 2022. № 10.

28. Олейник В. В. Анализ структуры Верховной рады Украины VI созыва на основании поименных голосований депутатов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 4 (79).

29. Оньша В. В. Виктор Ющенко и украинские националисты: история «хрупкого союза» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1.

30. Остапец Ю. А. Между Сциллой национализации и Харибдой регионализации: особенности развития партийной системы Украины. Политика. 2019. № 4.

31. Остапец Ю. А., Остапец И. Ю. Изменение акторной структуры и конфигурации партийной системы Украины по итогам президентских и парламентских выборов 2019 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52.

32. Пащковский Е. А. Партийная система Украины в условиях радикальной политической трансформации в 2014—2015 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18.

33. Скляр С. А. Поиски «третьей силы» в украинской политике 2010—2011 годов // Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25, № 3.

34. *Соболева А. В., Григорьев И. С.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве: стабильность и изменчивость режима как следствие отступничества элит // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 4.

35. *Соловьев К. А.* Западноукраинский национализм в контексте современных российско-украинских отношений // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21 (122).

36. *Токарев А. А.* Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России // Вестник МГИМО университета. 2015. № 5 (44).

37. *Томайчук Л. В.* Регионализм и региональная идентичность в современной Украине // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 1.

38. *Туровский Р. Ф.* Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // Полис. Политические исследования. 1999. № 6.

39. *Туровский Р. Ф.* Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. 2012. № 3.

40. *Умланд А.* Постсоветский украинский правый радикализм в сравнительной перспективе // Социология власти. 2021. Т. 33, № 2.

41. *Фесенко В.* Сила и слабость партийной системы Украины // Политическая наука. 2006. № 1.

42. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Веллимеева, Ю. Новикова. М., 2005.

43. *Харыбин А. Н.* Интеграция Восточной Украины: от ювуар к Новороссии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. М., 2019.

44. *Черкашин К. В.* Электоральная география постпереворотной Украины и новая расстановка сил в стране // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2015. № 5.

45. *Электоральная география 2.0.* URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraina-prezidentskie-vybory-2014.html (дата обращения: 01.03.2023).

46. *Электоральная география 2.0.* URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/2007-legislative-elections-ukraine.html (дата обращения: 01.03.2023).

47. *Электоральная география 2.0*. URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraina-prezidentskie-vybory-2010.html (дата обращения: 01.03.2023).

48. *Электоральная география 2.0*. URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/украина-президентские-выборы-2019.html (дата обращения: 01.03.2023).

49. *Электоральная география 2.0*. URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/украина-выборы-в-верховную-раду-2019.html (дата обращения: 01.03.2023).

50. *Электоральная география 2.0*. URL: www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraina-parlamentskie-vybory-2012.html (дата обращения: 01.03.2023).

ГЛАВА 3

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Источник: <https://md.sputniknews.ru/20211022/gavrilitsa-mestnye-vybory-moldova-45798684.html>

3.1. Исторические предпосылки возникновения электорального раскола между унионистами и молдовенистами

Уже с конца 1980-х гг. на политический процесс Молдовы значительное влияние стала оказывать раздвоенность национального самосознания титульного этноса. Это проявляется в существовании двух противоположных друг другу идентичностей: молдавской и румынской [13, с. 37]. Эта особенность позволяет рассматривать Молдову в качестве феномена среди постсоветских государств, поскольку часть ее населения выступает за отказ от национальной идентичности с целью интеграции с соседней Румынией [25, с. 37]. Таким образом, в молдавском обществе возник раскол между двумя противоположными идеологическими лагерями. Первый представлен молдовенистами, выступающими за независимость Молдавии и поддерживающими идею существования отдельной молдавской идентичности. Второй — унионистами, которые считают молдаван частью единой румынской нации и выступают за воссоединение Молдовы с Румынией.

Происхождение данного раскола имеет под собой исторические основания. Начиная с XIV в. существовало два Дунайских княжества: Валахия (юг современной Румынии) и Молдова. Последняя включала в себя кроме территории современной Республики Молдова также восток Румынии и незначительную часть нынешней Украины (земли Одесской и Черновицкой областей) (рис. 3.1). Несмотря на этническое родство населения двух княжеств, вплоть до XVIII в. они были объединены под общим управлением лишь в течение непродолжительного времени правления господаря Михая Храброго в 1600 г.

По итогам Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. восточная часть Молдавского княжества (Бессарабия), являющаяся преимущественно территорией современной Молдовы, стала частью Российской империи. На ее землях была образована Бессарабская область, позже получившая административный

статус губернии. Княжества Валахия и Молдова остались в вассальной зависимости от Османской империи. Поэтому население Бессарабии не участвовало в Валашском восстании 1821 г., Валашской революции 1848 г., давшим толчок к формированию единой румынской нации, а также объединению двух Дунайских княжеств, которое произошло в 1859 г. Спустя 22 года, в 1881 г., это сложившееся объединение получит статус независимого королевства Румыния. В результате социально-политическая изоляция жителей Бессарабии от населения Румынии и нахождение в составе Российской империи создали серьезные предпосылки для изменения их идентичности.

Рис. 3.1. Княжество Молдова и его соседи в XVI в.

Источник: [21].

Распад Российской империи послужил поводом к провозглашению в 1918 г. на территории бывшей Бессарабской губернии самостоятельной Молдавской демократической республики. Однако в том же году она была присоединена к Румынии. Период нахождения Бессарабии в составе Румынии характеризовался активным вытеснением из общественной жизни русского языка и проводимой политикой румынизации [26, с. 98]. Воз-

никший с этого времени «бессарабский вопрос» о принадлежности региона стал причиной напряженности во взаимоотношениях между СССР и Румынией. Следствием этого конфликта стало образование в 1924 г. на левобережной части Днестра Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики (с 1936 г. Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика), вошедшей в состав Украинской ССР. Этот регион занимал земли современного Приднестровья и части Одесской области.

В 1940 г., согласно положениям Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, Бессарабия передавалась в состав последнего. В сложившейся ситуации Румыния была вынуждена согласиться с условиями советского ультиматума и вывести из региона свои войска. На большей его части была образована Молдавская ССР. Спустя время к ней была присоединена территория Приднестровья из упраздненной Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. В период нахождения Молдавии в составе Советского Союза центральной властью активно культивировался молдовенизм. Его целью было подчеркивание и искусственное создание отличий молдаван от румын [20, с. 70—71], навязывание румынофобии [28, с. 281], а также максимальное сближение с русской нацией [1, с. 101]. При этом данная политика проводилась еще в период существования Молдавской автономии в составе Украинской ССР. В частности, в начале 1920-х гг. был разработан молдавский кириллический алфавит, а молдавский язык выделен в качестве самостоятельного [18, с. 133—134].

Благоприятной почвой для активизации деятельности унионистов стали события Перестройки и последующий распад Советского Союза. Эрозия советской идеологии дала толчок для трансформации молдавской интеллигенции в «румынскую» из-за начавшегося активного процесса обращения ее представителей к старой, досоветской культуре [29, с. 42]. Образовавшийся по примеру других советских республик Народный фронт Молдовы, в руководстве которого преобладали представители гуманитарной интеллигенции, приобрел ирредентистский характер: обретение независимости рассматривалось им как

этап к дальнейшему воссоединению с Румынией [17, с. 161]. В свою очередь Интердвижение, являвшееся противником Народного фронта, кроме защиты целостности СССР и советской национальной политики выступало с позиций молдовенизма [14, с. 90].

Преобладание депутатов Народного фронта в Верховном Совете республики позволило реализовать на практике ряд унионистских идей: были утверждены в качестве официальных румынский флаг (с незначительными изменениями) и гимн, осуществлен перевод языка на латинский алфавит. Идеология унионизма имела под собой выраженную антирусскую и антироссийскую направленность. Это проявлялось в требованиях по ограничению использования русского языка [25, с. 35], выходу национальной церкви из покровительства РПЦ [3, с. 176], в создании негативного образа России и российских властей в национальной истории, вытеснении русскоязычных кадров [28, с. 282] и т. д. Эти обстоятельства привели к росту сепаратистских настроений среди жителей мультиэтничного Приднестровья, а также болгар и гагаузов, компактно проживающих на юге Молдовы [16, с. 274]. Раскол между Кишиневом и многонациональными районами Молдавской ССР проявился во время всесоюзного референдума о сохранении СССР в марте 1991 г. Из-за давления Народного фронта во главе с М. Друком он не состоялся почти на всей территории республики. Прошло голосование только в Приднестровье и Гагаузии, в которых около 98 % выступило за сохранение единого государства. Другой ответной реакцией на действия унионистов стало усиление в обществе идей молдовенизма, выразившихся в сохранении национального суверенитета республики после распада Советского Союза [28, с. 286—288].

3.2. Унионизм и молдовенизм на повестке выборов Республики Молдова в 1990-е годы

После обретения Молдовой независимости возникший в обществе раскол между унионистами и молдовенистами оказал влияние на формирование партийной системы в стране. Первым парламентским выбором, прошедшим в 1994 г., предше-

ствовал глубокий экономический и политический кризис, вылившийся в конфликт в Приднестровье. Эти обстоятельства сказались на поддержке населением прорумынских сил, фактически руководивших страной в этот период. В результате в 1994 г. победу одержали антиунионистские политические силы. Аграрно-демократическая партия Молдовы (АДПМ), представлявшая интересы председателей колхозов и совхозов и набравшая 43,18 %, поддерживала сохранение независимого государства и возлагала на унионистов кризис в экономической сфере и рост межэтнической напряженности. Также с аналогичных позиций выступал избирательный блок «Социалистическая партия и движение Unitate-Единство», занявший по итогам выборов второе место (22 %) во многом благодаря поддержке национальных меньшинств. Победа на парламентских выборах молдовенистов вполне отвечала настроениям сформировавшейся уже к тому моменту в стране политической элиты, не желавшей потерять статус и власть в случае объединения с Румынией [14, с. 92]. Первый президент страны М. Снегур, входивший на выборах 1994 г. в состав АДПМ, выдвинул в этой связи концепцию «одна нация в двух государствах» [22, с. 86]. Унионистские политические силы были представлены в 1994 г. наследниками Народного фронта: Избирательным блоком «Альянс христианско-демократического народного фронта» (АХДНФ) и Блоком крестьян и интеллектуалов (БКИ), набравшими 7,53 и 9,21 % голосов избирателей соответственно. В своей предвыборной программе АХДНФ призывал к продолжению интеграции в румынское культурное пространство, объединению учебных программ двух стран, достижению национального единства и осуждал румынофобию. БКИ (впоследствии на его основе возникнет Партия демократических сил) занимал более умеренные позиции [28, с. 292], выступая за независимость страны в ближайшем будущем, но не отрицая объединение с Румынией в отдаленной перспективе [20, с. 75].

Это поражение впоследствии заставило унионистов изменить свою предвыборную риторику: их лозунги стали менее радикальными, преимущественно ограничиваясь призывами к интеграции с Румынией в различных сферах [3, с. 179]. Победа же молдовенистов на практике, в частности, привела к тому, что

в принятой в 1994 г. Конституции страны государственным языком был объявлен именно молдавский, а не румынский. Победа молдовенистов, выступавших в защиту молдавской самобытности, также сумела снизить имевшийся ранее накал межэтнических отношений в стране [30, с. 76].

Раскол между унионистами и молдовенистами отразился и на исходе президентской избирательной кампании 1996 г., в ходе которой основными конкурентами стали П. Лучинский, являвшийся сторонником молдовенизма, и действующий президент Молдовы М. Снегур, который, несмотря на отход от идей унионизма, не допустил в 1995 г. введение университетских курсов по истории Молдовы и молдавского языка [13, с. 39]. В результате противники объединения с Румынией мобилизовались вокруг фигуры П. Лучинского, что позволило ему одержать победу во втором туре выборов [28, с. 296], набрав 54 % голосов.

В целом период 1992—2000 гг., по другой точке зрения этот период начался в 1994 г. [20, с. 72], характеризуют как время усиления молдовенизма в стране [28, с. 295]. Подтверждением этого являются также парламентские выборы 1998 г., на которых наибольшее количество голосов получила ранее запрещенная Партия коммунистов Республики Молдова (30,01 %) (ПКРМ), акцентировавшая в своей программе внимание на достижениях советского периода. Христианско-демократический народный фронт (ХДНФ) на этих выборах участвовал в союзе с отколовшейся от АДПМ Партией возрождения и согласия (ПВС) М. Снегура. Вместе они и ряд мелких партий образовали избирательный блок «Демократическая конвенция Молдовы», занявший второе место на выборах с результатом 19,42 %. В избирательной программе блока можно наблюдать влияние унионистски настроенного ХДНФ. В частности, в ней утверждалось о необходимости формирования особых экономических отношений с Румынией, которые создадут условия для беспрепятственного перемещения рабочей силы, капитала и товаров по обе стороны границы. Схожие позиции на выборах занимала Партия демократических сил, выступавшая за углубление интеграции двух румынских государств, укрепление их общего духовного и культурного пространства. Она набрала 8,84 % го-

лосов. Пропрезидентский избирательный блок «За демократическую и процветающую Молдову» занял по итогам выборов третье место с результатом 18,16 % голосов. Несмотря на то что коммунисты получили наибольшую поддержку избирателей, их соперники в противовес им создали правящую коалицию, что позволило унионистам в лице ХДНФ получить должности в правительстве [13, с. 40].

3.3. Унионизм и молдовенизм на повестке выборов Республики Молдова в 2000-е годы

На выборах 2001 г. коммунисты и Христианско-демократическая народная партия активно апеллировали к историческому прошлому. ПКРМ в своей агитации обращалась к образам разрушенной социалистической Родины, их оппоненты, напротив, сожалели о последствиях Пакта Молотова — Риббентропа, уничтожившего единство Румынии [3, с. 194]. Уверенную победу в ходе избирательной кампании одержали коммунисты, набрав 50,07 % голосов и завоевав тем самым более половины мест в новом созыве парламента. ПКРМ, как и на предыдущих выборах, отмечала в своей предвыборной программе достижения советской власти, делала акцент на укреплении суверенитета страны и выступала в защиту права населения называться молдаванами и считать свой родной язык молдавским. Наряду с этим, коммунисты также выступали за придание русскому языку статуса второго государственного. На второе место с результатом 13,36 % вышел избирательный блок «Альянс Брагиша», возглавляемый Думитру Брагишем, который в период с 1999 по 2001 г. занимал пост премьер-министра. Данный блок также выступал с позиций молдовенизма, поддерживая укрепление молдавской государственности. Унионисты в лице Христианско-демократической народной партии (ХДНП) во главе с одним из учредителей Народного фронта Ю. Рошкой набрали 8,24 % голосов. Сложившийся расклад политических сил позволил лидеру коммунистов В. Воронину, опираясь на парламентское большинство, стать президентом страны.

Однако, несмотря на уверенную победу на выборах 2001 г., коммунистам не удалось реализовать многие запланированные

в области культуры и образования цели. Так, планы по введению обучения русскому языку со второго класса наткнулись на активное сопротивление со стороны унионистов. ХДНП организовала в 2002 г. многотысячные митинги против данной реформы, продолжавшиеся в течение четырех месяцев. В итоге министр образования республики И. Ванча под давлением протестующих был отправлен президентом В. Ворониным в отставку. При этом в 2003 г. властям удалось заменить школьный курс истории румын на историю Молдовы.

В 2005 г. состоялись очередные парламентские выборы, на которых коммунисты вновь получили большинство голосов (45,98 %). Выступая в статусе правящей партии, коммунисты заметно меньше внимания уделяли в своей программе вопросам защиты молдавской идентичности, противостояния унионистам и т. д. Их основным соперником в лице Избирательного блока «Демократическая Молдова», включавшего Альянс «Наша Молдова», Демократическую партию Молдовы и Социал-либеральную партию, придерживался не унионистских, а проевропейских и антикоммунистических позиций. ХДНП, занявшая третье место с результатом 9,07 %, традиционно выступала за экономическую, социальную и духовную интеграцию с Румынией и развитие с ней особого партнерства.

Выборы 2005 г. внесли существенные изменения на унионистском фланге партийной системы Молдовы. Голосование депутатов ХДНП за переизбрание коммуниста В. Воронина на должность президента страны привело к падению ее популярности среди унионистов. Последние в результате переориентировались на Либеральную партию (ЛП), которая до 2005 г. называлась Партией реформ. Среди ее лидеров был племянник одного из основателей Народного фронта М. Гимпу Д. Киртокаэ. В 2007 г. ему удалось избраться на пост главного примара муниципия Кишинев, что во многом объясняется популярностью унионистских идей в столице страны.

На выборах 5 апреля 2009 г. в программах прошедших в парламент партий тематика молдовенизма и унионизма была представлена в меньшей степени в сравнении с предыдущими избирательными кампаниями. Правящая на тот момент ПКРМ, получившая поддержку 49,48 % избирателей, как и в 2005 г. в

своей программе не фокусировалась на данной теме, а акцентировала внимание на достигнутых в ходе пребывания у власти достижениях. Оппозиционная коммунистам Либерально-демократическая партия Молдовы (ЛДПМ), впервые принявшая участие в выборах и набравшая 12,43 % голосов, в своей предвыборной программе главным образом требовала смены коммунистического режима и проведения демократических преобразований. Аналогичной идеологической платформы придерживался Альянс «Наша Молдова» (результат — 9,77 %) во главе с бывшим примаром Кишинева С. Урекьяном. Исключением в ходе этой избирательной кампании стала ЛП (результат — 13,13 %), постоянное ядро сторонников которой формировалось главным образом из числа прорумынски настроенной интеллигенции [8, с. 159]. В ее программе выдвигались требования закрепления румынского языка в качестве государственного, упрощения и ускорения процесса восстановления румынского гражданства жителями Молдовы и проведения политики, основанной на единстве культуры, истории, традиций и языка между двумя государствами.

Поскольку ПКРМ не хватило одного мандата в парламенте, чтобы переизбрать В. Воронина на должность президента, предвыборная кампания 5 апреля 2009 г. стала предпосылкой для возникновения конституционно-политического кризиса в стране. После объявления итогов выборов начались массовые протесты, позже переросшие в беспорядки. На здании президентского дворца протестующие, не согласные с результатами избирательной гонки, водрузили флаги Евросоюза и Румынии. Этот факт позволяет недвусмысленно утверждать о наличии среди значительной части участников беспорядков приверженцев унионизма, что подтверждается исследователями [5, с. 265].

Сложившаяся общественно-политическая ситуация актуализировала тему идеологического раскола молдовенистов и унионистов на состоявшихся 29 июля 2009 г. новых парламентских выборах. На них ПКРМ, критикуя унионистов, выступала под лозунгом «Защитим нашу Родину!». Однако электоральная поддержка коммунистов в сравнении с предыдущей избирательной кампанией снизилась до 44,69 %. Их основным соперником стала ЛДПМ с результатом 16,57 %. Унионистская ЛП заня-

ла третье место (14,68 %). На четвертом месте расположилась Демократическая партия Молдовы (ДПМ) (12,54 %) во главе с М. Лупу, только в июне 2009 г. покинувшего ПКРМ. Пятое место с результатом 7,35 % занял Альянс «Наша Молдова». Четыре оппозиционные коммунистам партии по итогам выборов сформировали «Альянс за европейскую интеграцию» и избрали известным своим унионистскими взглядами М. Гимпу на пост и. о. президента страны. Однако, оказавшись в новой должности, ему пришлось учитывать мнение своих партнеров по коалиции. Поэтому М. Гимпу был вынужден заявлять, что объединение Румынии и Молдовы не стоит на повестке дня правящей коалиции [31, с. 53].

«Альянсу за европейскую интеграцию» после нескольких попыток так и не удалось утвердить своего кандидата в должности главы государства. Также из-за низкой явки провалился инициированный правящей коалицией Республиканский конституционный референдум, на котором стоял вопрос о возможности избрания президента путем общенационального голосования. Примечательно, что за бойкот референдума кроме коммунистов также выступали ряд мелких партий, которых можно причислить к молдовенистским (например, партию «Патриоты Молдовы»). В то же время унионистские Национально-либеральная партия и Румынская национальная партия поддержали проведение референдума.

Следствием политического кризиса стали внеочередные парламентские выборы 2010 г. На них с позиций умеренного молдовенизма выступала ДПМ, занявшая третье место, получив поддержку 12,7 % избирателей. В предвыборной программе партии отмечалось, что «Румыния может помочь в сближении Молдовы с Европейским союзом, но это не должно подпитывать амбиции, связанные с т. н. “проектами по восстановлению исторической справедливости”». Более активно, будучи уже в оппозиции, позиционировали себя в качестве защитников молдавской идентичности коммунисты. Они набрали 39,34 % голосов и заняли первое место. Примечательно, что в их предвыборной программе было множество изображений красно-синих флагов Молдавского княжества (рис. 3.2) в противовес национальному, повторяющему цвета румынского флага.

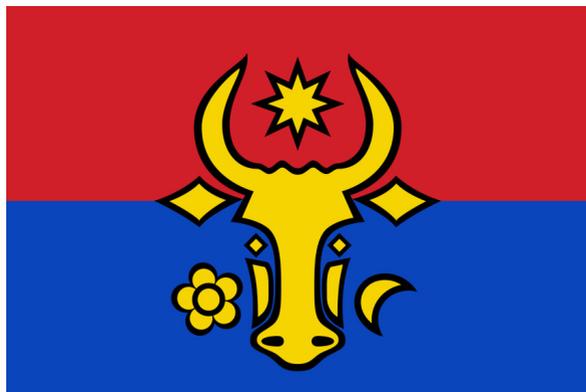

Рис. 3.2. Один из вариантов флага Молдавского княжества

Источник: [6].

Их антагонистом была ЛП (результат — 9,96 %), привычно защищавшая в своей программе культурно-историческое единство с Румынией и интеграцию с ней. Занявшая второе место ЛДПМ (29,42 %) в своей программе акцентировала внимание на вопросах, посвященных преимущественно социально-экономической проблематике и теме европейской интеграции.

Несмотря на имеющиеся идеологические различия, в том числе по вопросу взаимоотношений с Румынией, ЛДПМ, ДПМ и ЛП сформировали «Альянс за европейскую интеграцию». Этот факт отражает наличие среди проевропейских сил широкого спектра позиций по вопросу национальной идентичности жителей Республики Молдова. Нахождение унионистов в правящей коалиции страны оказало влияние на проводимую ею внутреннюю политику. В частности, с 1 сентября 2012 г. школьный курс истории стал называться «История румын и всеобщая история». Также, по всей видимости, это повлияло на то, что коалиция в 2012 г. избрала на должность президента близкого по идейным взглядам к унионистам Н. Тимофти, называвшего Молдову и Румынию «двумя румынскими государствами».

В апреле того же 2012 г. произошли заметные изменения в унионистском политическом лагере: раскол в ЛП. Часть ее представителей в парламенте и правительстве вышли из нее и объявили о создании Либерал-реформаторской партии (ЛРП) под руководством первого заместителя лидера ЛП И. Хадыркэ. Данный раскол был обусловлен не идеологическими факторами, а сугубо прагматическими интересами — нежеланием оказаться в оппозиции при формировании нового правительства [24, с. 175]. Последствия этого раскола были преодолены на парламентских выборах 2014 г., когда ЛРП набрала лишь 1,56 %. Это практически не сказалось на позициях ЛП (результат — 9,67 %), которая вновь выдвинула в своей программе тезисы о национальной, культурной и исторической общности жителей Молдовы и Румынии.

Среди ее идейных антагонистов, получивших представительство в парламенте в 2014 г., можно выделить сразу три партии. Умеренный молдовенизм на выборах продемонстрировал участник «Альянса за европейскую интеграцию» и фактический союзник унионистской ЛП в лице ДПМ (результат — 15,8 %). Партия в своей предвыборной программе подчеркивала уважение к прошлому, традициям Молдовы и к тому, что означает быть молдаванином. Более активно идеи молдовенизма продвигала ПКРМ, отмечавшая в своей программе, что «молдавскому народу открыто и цинично навязывают чуждую ему румынскую идентичность». На этих выборах за коммунистов проголосовало 17,48 % избирателей. Столь заметное снижение поддержки в сравнении с предыдущими избирательными кампаниями ПКРМ было связано с рядом причин. Во-первых, правящая проевропейская коалиция ввела запрет на голосование избирателей с советскими паспортами. По разным данным, от 200 до 270 тысяч молдавских пенсионеров все еще обладали на тот момент паспортами СССР, а так как они оставались приверженцами ПКРМ, партия не досчиталась значительной доли голосов [4, с. 60]. Во-вторых, значительная часть ее традиционного электората в 2014 г. проголосовала за Партию социалистов Республики Молдова (ПСРМ), набравшую 20,51 %. Эта политическая сила придерживалась аналогичной молдовенистской позиции, обвиняя правящую коалицию в том, что она

рассматривает объединение с Румынией как кратчайший путь к европейской интеграции. Наряду с этим социалисты сетовали на маргинализацию истории, традиций и языка Молдовы, на агрессивную пропаганду идей унионизма и в связи с этим требовали ввести в школьную программу изучение молдавского языка и курса «История Молдовы».

ЛДПМ, набравшая на выборах 2014 г. 20,16 % голосов, была единственной прошедшей в парламент политической силой, которая не поднимала темы молдовенизма и унионизма в своей предвыборной программе.

В начале 2015 г. стало известно, что за несколько дней до парламентских выборов 2014 г. из резервов Национального банка страны в офшоры было выведено около одного миллиарда долларов США (примерно 15 % ВВП Молдовы). Разразившийся скандал стал известен как «Кража века» и привел к острому экономическому и политическому кризису в стране. Его следствием стала начавшаяся 6 сентября 2015 г. бессрочная акция протеста, организованная Платформой «Достоинство и Правда» (ПДП). Одним из требований протестующих было объявление об общенародных выборах президента страны. Решением Конституционного суда Республики Молдова 4 марта 2016 г. это требование было удовлетворено: выборы главы государства состоялись 30 октября того же года. Основными конкурентами на них были лидер ПСРМ И. Додон и экс-министр просвещения М. Санду, выдвинутая ПДП и образованной в мае 2016 г. Партией «Действие и солидарность» (ПДС). Именно И. Додон и М. Санду вышли во второй тур выборов, набрав в первом туре 47,98 и 38,71 % соответственно. М. Санду во время предвыборной кампании не поднимала вопросы, касающиеся идентичности населения Молдовы, ее языка и исторического прошлого, посвятив свою программу борьбе с коррупцией и расследованию «Кражи века». В то же время ее главный оппонент обещал в своей предвыборной программе запретить унионизм на законодательном уровне. Во втором туре с небольшим перевесом победу одержал И. Додон, набрав 52,11 % против 47,89 % у М. Санду. В итоге именно он сменил на посту главы государства Н. Тимофти.

На этих выборах вновь были представлены сторонники воссоединения с Румынией. Данный идеологический спектр представляли М. Гимпу (ЛП) и А. Гуцу (партия «Правые»). Последняя ранее состояла в прорумынских ЛП и ЛРП. Однако радикальный унионизм не нашел активного отклика у избирателей — оба кандидата набрали в совокупности около 2 % голосов.

Поскольку занимаемый пост президента Молдовы лишен ряда значимых полномочий, нахождение И. Додона в данной должности фактически не повлияло на вектор внутренней политики в стране. В частности, избранный президент фактически не смог повлиять на формирование правительства. Если И. Додон не был согласен с кандидатурами на министерские должности, правящая на тот момент ДПМ, которую контролировал молдавский олигарх В. Плахотнюк, на короткий срок отстраняла президента от полномочий, используя лояльный себе Конституционный суд.

Парламентские выборы 2019 г. впервые проходили по смешанной системе. Это стало возможным благодаря реформе избирательной системы, инициированной ДПМ при поддержке ПСРМ. Данное нововведение в условиях падения популярности позволяло ДПМ получить места в парламенте в результате злоупотреблений в одномандатных округах и сохранить тем самым высокую степень влияния в законодательном органе страны [10, с. 279]. По итогам выборов 2019 г. в парламент прошли четыре партии: ПСРМ (31,15 % голосов), избирательный блок АСУМ, включавший ПДП и ПДС (26,84 %), ДПМ (23,62 %) и партия «Шор» (8,32 %). Последняя была образована на платформе общественно-политического движения «Равноправие», впоследствии ставшей по сути политическим проектом миллионера, примара муниципия Оргеев И. Шора. В то же время в программе партии сохранился принцип сохранения и укрепления молдавской государственности. Впервые за долгое время не получила представительство в парламенте ПКРМ, не преодолевшая избирательный порог, набрав 3,75 %. Аналогично не прошла в парламент и ЛП с результатом 1,25 %. В целом можно

констатировать, что в ходе выборов 2019 г. темы молдовенизма и унионизма не были ключевыми среди партий, прошедших в парламент.

Так как выборы 2019 г. проходили по смешанной системе, количество полученных партиями мандатов пропорционально не соответствовало доле отданных за них голосов. В конечном итоге ПСРМ получила 35 мест в парламенте страны, ДПМ — 30, АСУМ — 26, ШОР — 7. Сложившийся баланс сил позволил ДПМ выбирать себе партнеров по коалиции. Однако вследствие вмешательства западных стран и России была сформирована широкая коалиция из ПСРМ и АСУМ [23, с. 100], несмотря на несовпадение их взглядов по ключевым политическим вопросам. Следствием этого политического шага стало избрание новой главой правительства М. Санду. Объединение двух сил оказалось крайне неустойчивым. Правительству был вынесен вотум недоверия после того, как М. Санду отказалась пересматривать процедуру назначения генерального прокурора. В результате ситуативная коалиция распалась [15, с. 5], а 14 ноября 2019 г. ПСРМ при поддержке ДПМ утвердила «технический» кабинет министров во главе с беспартийным И. Кику.

Незадолго до новых президентских выборов 2020 г. блок АСУМ распался. Поэтому ПДП и ПДС, сформировавшие в парламенте две отдельные фракции, не выдвинули единого кандидата, поддержав соответственно А. Нэстасе и М. Санду. Последняя в своей программе вновь не стала выдвигать предвыборные тезисы молдовенистского или унионистского характера, что не помешало ей набрать наибольшее количество голосов в первом туре (36,16 %). Бывший союзник М. Санду по блоку АСУМ А. Нэстасе получил поддержку только 3,26 % избирателей. Действующий президент Молдовы И. Додон, напротив, активно выступал с молдовенистских позиций, требуя ввести конституционный запрет ликвидации молдавской государственности, сохранить молдавский язык в качестве государственного в Конституции страны, а также внедрить в школьную программу предмет «История Молдовы». В первом туре он набрал 32,61 % голосов, заняв второе место. На треть-

ем месте с результатом 16,9 % оказался примар города Бельцы, лидер «Нашей партии» Р. Усатый, традиционно выступавший против унионистов, заявляя, что для них Молдова является территорией разграбления. Но, несмотря на это, на выборах 2020 г. его основная критика была обращена в адрес И. Додона [11, с. 60]. Вследствие этого после первого тура Р. Усатый призвал своих сторонников не голосовать за действующего президента. Этот политический ход во многом предрешил итоговый исход выборов, поскольку И. Додон и Р. Усатый опирались во многом на один и тот же электорат [23, с. 100—101]. В этих обстоятельствах достаточно уверенную победу во втором туре одержала М. Санду с результатом 57,72 % против 42,28 % у И. Додона. Отдельно стоит упомянуть, что два унионистских кандидата в лице Д. Киртоакэ (избирательный блок Unirea) и О. Цику (Партия национального единства (ПНЕ)) получили лишь 1,2 и 2,01 % голосов соответственно. После первого тура оба этих кандидата также заявили о своей поддержке кандидатуры М. Санду.

Досрочные выборы в парламент страны состоялись 11 июля 2021 г. по причине его роспуска М. Санду, заявлявшей об этой необходимости еще в ходе своей избирательной кампании в 2020 г. Перед выборами была упразднена смешанная избирательная система и восстановлена пропорциональная. По их итогам большинство мест в парламенте получила пропрезидентская ПДС, набравшая 52,8 % голосов (63 мандата из 101). Впервые в современной истории Молдовы одна партия получила более половины мест в высшем законодательном органе страны. ПДС, как и в ходе предыдущих избирательных кампаний, вновь в своей программе не касалась тематики национальной идентичности, истории и государственного языка, сконцентрировав внимание на социально-экономической проблематике.

Незадолго до начала выборов, 12 мая 2021 г., лидеры ПСРМ и ПКРМ, традиционно придерживающиеся молдовенистских позиций, заявили о создании единого Избирательного блока коммунистов и социалистов (ИБКС). В ходе предвыборной кампании 2021 г. блок выступал под лозунгом «Молдова в опасности. Нет внешнему управлению!», пугая тем самым свой элек-

торат угрозой поглощения страны Румынией. Однако данный политический ход не принес ожидаемого результата — объединение набрало лишь 27,17 % голосов избирателей (32 мандата в парламенте).

Третьей политической силой, сумевшей в 2021 г. получить представительство в национальном парламенте, стала партия ШОР с результатом 5,74 % (6 мандатов). Ее предвыборная программа не затрагивала проблематику идеологического раскола между унионизмом и молдовенизмом и была полностью посвящена борьбе с коррупцией, а также социально-экономическим вопросам.

Среди важных итогов избирательной кампании 2021 г. можно также отметить непопадание в парламент ПДП (результат — 2,33 %), возглавляемой А. Нэстасе, и Избирательного блока «Ренато Усатый» (4,1 % голосов). ПДП во время избирательной кампании ратовала за развитие стратегического партнерства с Румынией. В свою очередь блок, возглавляемый бывшим примаром муниципия Бельцы, включавший в себя два подконтрольных политику образования — «Нашу партию» и Партию «Родина», выступал за сохранение суверенитета Молдовы.

Унионисты выдвигались на выборах в составе ПНЕ и «Альянса за объединение румын» (АОР). Примечательно, что последняя имеет представительство в парламенте соседней Румынии. Унионистские «Союз спасения Бессарабии» В. Мунтяну и ЛП Д. Киртоакэ согласились участвовать в избирательной кампании 2021 г. именно по спискам АОР. Однако создать общий предвыборный блок по примеру коммунистов и социалистов АОР и ПНЕ не удалось, несмотря на проходившие по инициативе первой переговоры. В качестве причин отказа от политического союза руководство ПНЕ называло антиевропейский, антисемитский и популистский характер АОР, а также чрезмерные амбиции руководства данной партии. В результате выступающие за объединение Румынии и Молдовы силы не получили представительства в парламенте страны: ПНЕ набрало 0,45 % голосов, АОР — 0,49 %. Столь низкая электоральная поддержка прорумынских сил на этих и предыдущих

общенациональных выборах не является следствием невысокой популярности их идей в молдавском обществе. Более того, данные социологических опросов демонстрируют стремительный рост поддержки унионизма в стране. Доли сторонников сохранения независимости страны и унионистов практически сравнялись в 2021 г. (рис. 3.3). Причем в последующем можно прогнозировать продолжение данной тенденции, так как среди противников объединения преобладают представители старших поколений. В среде молодежи, напротив, превалируют унионистские идеи.

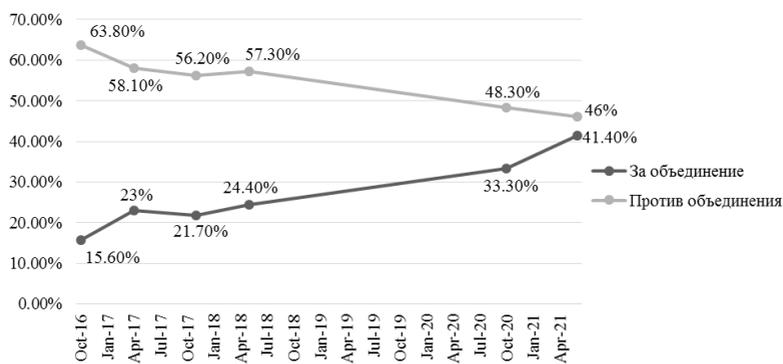

Рис. 3.3. Отношение к объединению Республики Молдова с Румынией

Источник: Рисунок автора. Используются данные: [2].

Причина, по которой сторонники объединения двух стран в большинстве своем не голосуют за партии и политиков, придерживающихся аналогичных взглядов, связана с тем, что прорумынский сегмент молдавского электората не верит в их способность реализовать данный интеграционный проект. Поэтому большинство унионистов голосуют на выборах за проевропейски ориентированных участников главным образом за ПДС и М. Санду [27, с. 487—488]. Последние, не поддерживая объе-

динение на современном этапе, демонстрируют свое в целом благосклонное отношение к идеям унионизма. В частности, это проявляется в участии членов ПДС и М. Санду в акциях, посвященных вхождению территории Молдовы в состав Румынии в 1918 г.

3.4. Геополитические представления жителей Молдовы как фактор электорального процесса

Воссоединение Крыма с Россией по итогам референдума 16 марта 2014 г. и последовавшее за ним разрастание кризиса на территории Украины оказало заметное влияние на геополитическое положение Молдовы. Во многом это было вызвано кардинальным изменением подхода официального Киева к приднестровской проблеме. С 2014 г. власти Украины стали рассматривать анклав в качестве возможного плацдарма для атаки на южные регионы страны. Поэтому украинское правительство с этого времени ужесточило пограничный и таможенный контроль на приднестровском направлении и стало активно выступать за восстановление территориальной целостности Молдовы [19, с. 955—956]. Эти и иные действия привели к росту конфликтности вокруг приднестровского региона, где после крымского референдума усилилась мотивация к консолидации своего суверенитета и закреплению политической независимости [7, с. 24]. Наряду с этим сама ситуация в Крыму расколола молдавское общество на два противоположных лагеря. По итогам социологического опроса, проведенного в апреле 2014 г., 39,6 % респондентов поддержали действия России на полуострове, 43,5 % выступили против [2].

Кроме того, в 2014 г. поочередно произошло еще два события, актуализировавших дилемму выбора Молдовой внешнеполитического вектора развития. Подписание Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), вступившего в силу 1 января 2015 г., состоялось 29 мая 2014 г. В свою очередь 27 июня 2014 г. было подписано Соглашение

об ассоциации между Европейским союзом и Республикой Молдова, позволившее последней углубить свою интеграцию в западном направлении. Отмеченные события привели к тому, что темы, посвященные геополитической ориентации Молдовы, ее взаимоотношениям с Россией и приднестровскому конфликту, стали одними из ключевых на общенациональных выборах с 2014 г. Хотя неверным будет утверждать, что они не являлись актуальными еще с момента обретения Молдовой независимости.

Анализируя срезы общественного мнения в Республике Молдова, можно четко проследить отсутствие консенсуса среди ее жителей в вопросе выбора внешнеполитического вектора страны. Причем на постсоветском пространстве именно для населения Молдовы характерен особенно высокий уровень многовекторности интеграционных настроений [9, с. 27].

Начиная с 2014 г. фиксируются значительные изменения геополитических ориентаций жителей Молдовы. Вплоть до декабря 2016 г., когда президентом стал И. Додон, примерно равные доли населения страны придерживались противоположных позиций относительно вопроса вступления Молдовы в ЕС (рис. 3.4). Наличие в этот период существенной части населения, выступающей против интеграции в ЕС, вероятно, связано с реакцией на ставшие известными общественности в 2015 г. события «Кражи века». Тогда выяснилось, что среди фигурантов банковского скандала были ряд представителей находившегося у власти «Альянса за европейскую интеграцию». Однако затем наблюдался заметный рост проевропейских настроений, которые стали заметно превалировать в молдавском обществе. Столь противоречивая ситуация, вероятно, связана с разочарованием в эффективности политики, проводимой И. Додоном. Пик поддержки вступления в Европейский союз в рассматриваемый период пришелся на лето 2021 г., когда ПДС одержала убедительную победу на парламентских выборах над ИБКС. Этот факт позволяет констатировать наличие прямой взаимосвязи между интеграционными настроениями жителей Молдовы и их электоральными предпочтениями.

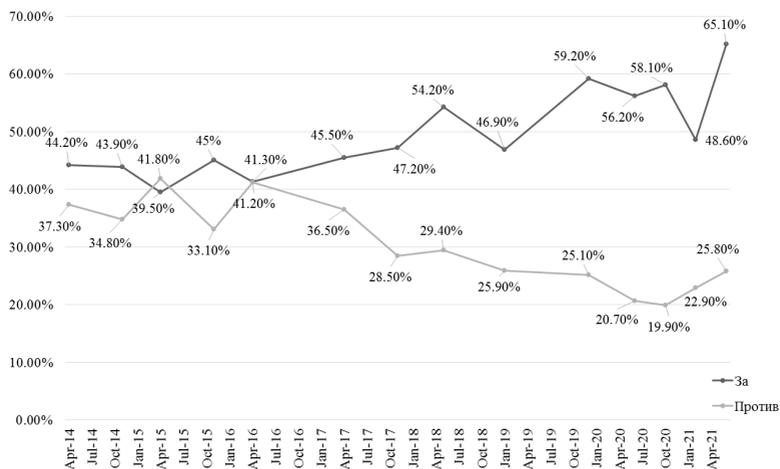

Рис. 3.4. Отношение к вступлению Молдовы в Европейский союз

Источник: Рисунок автора. Используются данные: [2].

Примечательно, но поддержка европейской интеграции достаточно продолжительное время не шла вразрез с преобладающим положительным отношением жителей Молдовы к возможному вступлению страны в ЕАЭС (рис. 3.5). Однако с апреля 2015 г. происходило постепенное снижение проевразийских настроений в обществе. Более того, в период президентства И. Додона (декабрь 2016 — декабрь 2020 г.) они претерпели существенное падение. В целом не изменило сложившуюся тенденцию и предоставление Республике Молдова 18 мая 2018 г. статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС. Летом 2021 г. возросла до максимума доля противников вступления страны в Евразийский союз, превысив количество сторонников (47,5 % против 40,8 %). Можно прогнозировать, что в будущем эта группа населения будет численно расти, так как

в интеграционных настроениях молодежи Молдовы заметно преобладает поддержка курса на вступление страны в Европейский союз [12, с. 160].

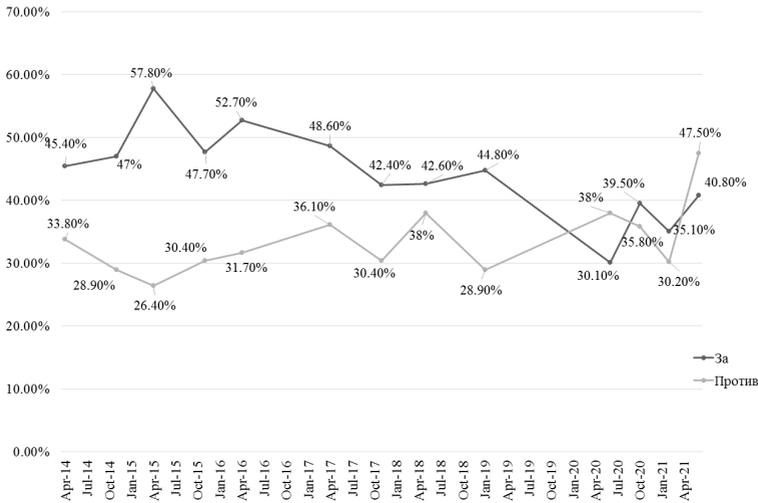

Рис. 3.5. Отношение к вступлению Молдовы в Евразийский союз

Источник: Рисунок автора. Использованы данные: [2].

В период с ноября 2014 до ноября 2015 г. фиксировалось некоторое преобладание проевразийских настроений над проевропейскими (рис. 3.6). Затем, до 2019 г., мнения жителей Молдовы относительно возможного вступления в Европейский союз и Евразийский союз разделились примерно поровну. Однако начиная с 2019 г. наступает этап, характеризующийся заметным превалированием сторонников европейской интеграции над приверженцами вступления Молдовы в Евразийский союз. Данная трансформация геополитических ориентаций жителей республики происходила на фоне роста электоральной поддержки М. Санду и ПДС, победивших на выборах 2020 и 2021 гг.

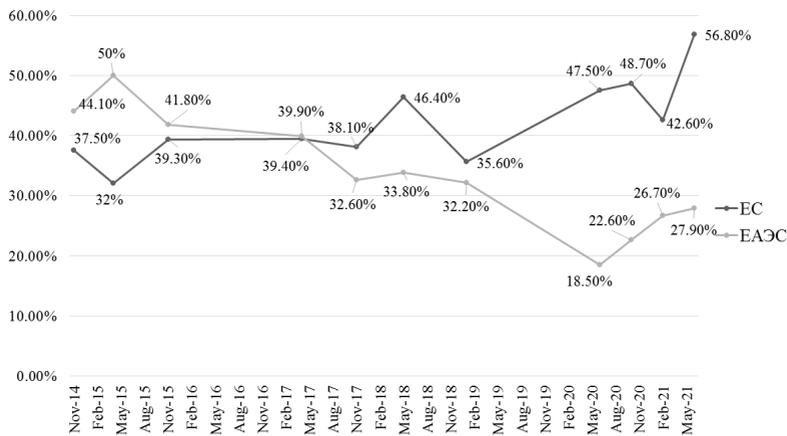

Рис. 3.6. Если бы вам пришлось выбирать в ходе референдума между вступлением в Европейский союз или в Евразийский союз, что бы вы предпочли?

Источник: Рисунок автора. Использованы данные: [2].

3.5. Внешнеполитическая повестка на выборах в Республике Молдова

На парламентских выборах, состоявшихся в ноябре 2014 г., тема подписания Молдовой Соглашения об ассоциации с Евросоюзом была одной из центральных. Левые партии (ПКРМ и ПСРМ) выступили с его жесткой критикой, акцентируя внимание на негативных последствиях от подписания Соглашения. В частности, было отмечено, что это приведет к падению экономики страны, нанесет ущерб фермерам, а также приведет к ограничению прав работающих в России граждан Молдовы. Также левые партии, критикуя проевропейский внешнеполитический курс властей, апеллировали к защите суверенитета страны. Социалисты заявляли о риске поглощения Молдовы Румынией после подписания Соглашения, коммунисты — об угрозе введения внешнего управления республикой. Между двумя геополитическими векторами данные партии отдавали приоритет восточному. Участие Молдовы в интеграционных проектах на

постсоветском пространстве, по их мнению, позволило бы стране снизить тарифы на получаемые энергоресурсы, привлечь инвестиции в молдавскую экономику, выйти на рынки сбыта стран Таможенного союза, а также обеспечить соблюдение прав сотен тысяч трудовых мигрантов в России. Вступление Молдовы в Таможенный союз, согласно риторике ПКРМ, должно было произойти по итогам народного волеизъявления на общенациональном референдуме. В то же время «кабальное» Соглашение об ассоциации с ЕС рассматривалось коммунистами как инструмент, мешающий сотрудничеству с восточными партнерами. ПСРМ в своей программе также выражала недовольство сотрудничеством страны с военным блоком НАТО, которое, по логике социалистов, нарушало нейтральный статус республики и угрожало втягиванием ее в военный конфликт. О необходимости придерживаться конституционного положения о нейтралитете страны призывала в своей программе и ПКРМ.

Противоположного взгляда на Соглашение об ассоциации с Европейским союзом придерживались ЛП, ЛДПМ и ДПМ. Эти политические силы были солидарны в поддержке интеграции страны в ЕС, в то же время разнились их взгляды на взаимоотношения государства с блоком НАТО. ДПМ защищала нейтральный статус страны, считая, что Республика Молдова не должна вступать ни в один военно-политический блок. Напротив, ЛП в своей программе активно поддерживала курс на вступление страны в Североатлантический альянс. Также различались позиции трех партий по вопросу взаимоотношений с Россией. ДПМ и ЛДПМ, несмотря на поддержку проевропейского курса, выступали за сохранение достаточно тесного взаимодействия с Российской Федерацией. Программа ЛП, напротив, имела антироссийскую направленность. Согласно ее положениям, Россия должна была быть признана одной из сторон конфликта в противостоянии вокруг Приднестровья.

На президентских выборах 2016 г. основные конкуренты И. Додон и М. Санду также придерживались различных позиций во внешнеполитической сфере. М. Санду обещала сделать все возможное для сближения Молдовы и ЕС и привнесения в молдавское общество европейских ценностей. Вопросы внешней политики упоминались также в одной из центральных тем программы М. Санду, посвященной «Краже века». Она обещала

привлечь иностранную помощь в расследовании данного дела. В свою очередь И. Додон выступал за закрепление нейтрального статуса Молдовы. В целом же вопрос выбора вектора внешнеполитической интеграции, по мнению И. Додона, должен был решаться на референдуме. Примечательно, что в это время доли населения страны, выступающего за интеграцию в ЕС и ЕАЭС, были примерно равными. Наряду с этим победивший на выборах кандидат обещал подписать Соглашение о стратегическом партнерстве с Россией.

На парламентских выборах 2019 г. находящаяся тогда у власти ДПМ вновь заявила о поддержке проевропейского вектора при сохранении сотрудничества с Россией. В то же время демократы выступали за вывод российского миротворческого контингента с территории Приднестровья. Также проевропейского вектора придерживался возникший в конце 2018 г. избирательный блок АСУМ, включавший ПДП и ПДС. Более того, его внешнеполитическую идеологическую платформу на выборах 2019 г. можно характеризовать как евроатлантическую. АСУМ выступал не только за интеграцию в ЕС, но и за укрепление сотрудничества с НАТО в рамках программы двухстороннего сотрудничества «Партнерство во имя мира». Также для АСУМ был характерен скептический взгляд на отношения с Россией по причине того, что, по мнению партии, та выступает против европейской интеграции Молдовы и препятствует решению приднестровского сепаратизма.

Находящиеся в оппозиции социалисты в свою очередь обрушились в 2019 г. с критикой в адрес правительства, которое они с иронией именовали «евросоюзниками». Во внешнеполитической сфере критика ПСРМ строилась на темах ухудшения взаимоотношений с Россией, ограничения вещания в стране российских медиа, ущерба от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и участия молдавских военных в учениях под эгидой НАТО. Поэтому социалисты в своей программе предлагали закрыть офис НАТО в Молдове и добиться международно признанного нейтрального статуса страны. Позиции нейтралитета придерживалась и прошедшая в парламент партия «Шор».

На президентских выборах 2020 г. программа И. Додона по внешнеполитическим вопросам, в отличие от программы ПСРМ в 2019 г., характеризовалась большей умеренностью и

многовекторностью. Продолжая поддерживать нейтральный статус Молдовы, И. Додон выступал за развитие отношений как с ЕС, так и с ЕАЭС. Республика Молдова, по его мнению, должна была в этой связи выступать в роли моста между Востоком и Западом. При этом в качестве основного стратегического партнера была вновь упомянута Россия. Вероятно, рост умеренности взглядов И. Додона по внешнеполитической тематике в 2020 г. обусловлен преобладанием к этому моменту проевропейских взглядов в молдавском обществе.

На этом фоне внешнеполитическая повестка М. Санду была в 2020 г. более четкой. В своей программе она подтверждала свою приверженность вступлению Молдовы в Европейский союз и положительно характеризовала подписанное в 2014 г. Соглашение об ассоциации с ЕС. В то же время ее позиция по России была мягче, чем у АСУМ на выборах 2019 г., — М. Санду обещала в случае своей победы приложить усилия для улучшения с ней отношений.

На выборах в парламент 2021 г. основанный в том же году ИБКС ожидаемо поддерживал проевразийский вектор интеграции. В частности, в программе блока была заявлена инициатива получения Молдовой членства в Евразийском банке развития, что позволит ей получить финансирование реализации проектов стратегического значения. Критика проевропейского вектора фактически отсутствовала в программе ИБКС. Партия «Шор» в 2021 г. вовсе старалась не поднимать внешнеполитическую повестку, пообещав в своей программе «сделать выбор не в пользу эфемерных обещаний, не в пользу геополитики...». Пропрезидентская ПДС, напротив, пыталась максимально использовать в свою пользу сложившиеся на момент избирательной кампании геополитические представления жителей Молдовы. Партия обещала продолжение интеграции страны в Евросоюз, в частности, путем внедрения европейских стандартов. Наряду с этим ПДС также заявляла о необходимости продолжения сотрудничества с военно-политическим блоком НАТО. Таким образом, на выборах в Республике Молдова проявляется взаимосвязь между геополитическими представлениями жителей страны и особенностями внешнеполитической повестки разных партий.

Контрольные вопросы

1. Какие исторические предпосылки возникновения идеологического раскола между молдовенистами и унионистами?
2. По каким ключевым вопросам происходят разногласия между унионистами и молдовенистами на выборах?
3. Как изменение баланса сил в партийной системе между унионистами и молдовенистами влияло на проводимую властями страны внутреннюю политику?
4. Как менялась динамика электоральной поддержки участников выборов различного идеологического спектра начиная с первых общенациональных выборов 1994 г.?
5. Какие политические силы представляли на выборах унионистский и молдовенистский идеологические лагеря с 1994 г.?
6. По каким причинам прорумынски настроенная часть молдавского электората в большинстве своем не поддерживает на выборах унионистов?
7. Как менялись геополитические представления жителей Молдовы с 2014 г.?
8. Как основные участники выборов в Молдове освещали в своих программах вопросы внешней политики?

Практические задания

1. Проанализируйте то, как молдавские партии освещают в своих программах темы социально-экономического развития. Составьте типологию партий согласно выявленным различиям.
2. Определите взаимосвязь между изменениями геополитических представлений жителей Молдовы, их электоральным поведением и особенностями внешнеполитической повестки в программах политических партий.

Список рекомендуемой литературы

1. *Бардин А. Л., Баринов И. И.* Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии) // *Полис. Политические исследования.* 2018. № 6.
2. *Барометр* общественного мнения Республики Молдова. URL: bor.ipp.md/ru (дата обращения: 05.03.2023).

3. *Боцан И.* Многопартийность в постсоветских странах: энтропия развития. // Политическая наука. 2006. № 1.

4. *Варданыч Э.* Республика Молдова — заложник геополитики или “failed state”? // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51).

5. *Волков Э. Г.* 7 апреля — 29 июля 2009 года: государственный переворот в Молдове // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 2.

6. *Геральдические* и вексиллологические символы молдавской идентичности. URL: moldovenii.md/ru/news/view/section/784/id/31102 (дата обращения: 05.03.2023).

7. *Данилов Д. А.* Приднестровское урегулирование: внешний контекст // Современная Европа. 2015. № 2 (62).

8. *Жигэу И. К.* Состояние электорального пространства Молдовы, особенности и динамика его развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101).

9. *Задорин И. В., Мойсов В. В., Перебоев В. С.* Интеграционные настроения населения в странах региона СНГ в 2013 году: состояние и динамика // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21).

10. *Зиновьев В. П., Суляк С. Г., Троицкий Е. Ф.* Молдавия: внутриполитическая динамика, партийный переворот и олигархический режим (1991—2019 гг.) // Русин. 2019. № 58.

11. *Кандель П.* Президентские выборы в Молдове и парламентские — в Румынии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 6.

12. *Карабчук Т. С., Поплавская А. А.* Анализ динамики отношения молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.

13. *Кириллов В. Б., Путинцев И. С.* Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма // Современная Европа. 2018. № 3.

14. *Кочедыков И. Е.* Национализмы Молдовы // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19).

15. *Лавренов С. Я.* Актуальные проблемы политической и экономической ситуации в Молдавии // Постсоветский материк. 2019. № 4.

16. *Лавренов С. Я.* Унионистский проект для Молдовы: основные риски и перспективы (к 100-летию со дня присоединения Румынией Молдовы) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. № 5.

17. *Леонтьева О. В.* Роль политических элит Молдовы и Приднестровья в процессе урегулирования отношений на современном этапе // Научное мнение. 2014. № 6.

18. *Мальчушкин Н. А.* Молдавия после Додона: перспективы развития российско-молдавского сотрудничества // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151).

19. *Маркедонов С. М.* Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2.

20. *Мелешкина Е. Ю.* Опыт формирования нации и государства в Молдавии // Политическая наука. 2008. № 1.

21. *Молдова XIV—XIX века.* URL: todaymoldova.com/voenyi-sector/61-moldova-xiv-xix-veka-borba-protiv-tureckogo-nashestviya-chast-i.html (дата обращения: 05.03.2023).

22. *Осколков П. В.* Исторический выбор Бессарабии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 4.

23. *Пивовар Е. И., Гуцин А. В., Левченков А. С.* Республика Молдова в 2016—2020 гг.: внутривполитическая ситуация и внешние ориентиры // Современная Европа. 2021. № 3.

24. *Путинцев И. С.* Особенности внутривполитического развития Молдавии в постсоветский период (1991—2016 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.

25. *Степанов В. П.* К вопросу о кризисе Молдавской идентичности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80).

26. *Суляк С. Г.* Русский язык в Молдавии // Русин. 2010. № 3 (21).

27. *Тютюнников А. Л.* Унионизм в Молдове: специфика и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 4.

28. *Фурман Д. Е.* Молдавские молдаване и молдавские румыны // Прогнозис. 2007. № 1 (9).

29. *Фурман Д. Е., Батог К.* Молдова: молдаване или румыны? // Современная Европа. 2007. № 3 (31).

30. *Шорников П. М.* Молдавская государственность и молдавская национальная идентичность в XX — начале XXI в. // Русин. 2007. № 4 (9).

31. *Ядрихинский М.* Тенденции и перспективы унионизма в Республике Молдова // Постсоветский материк. 2018. № 2 (18).

ГЛАВА 4

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ БАЛТИИ

Источник: <https://www.interfax.ru/world/652849>

4.1. Этническое голосование в Эстонии

Основной электоральной поддержкой русских, обладающих правом голоса, в Эстонии с начала 1990-х гг. пользовалась Центристская партия (ЦП), которая в своей программе выступала в защиту интересов этой этнической группы. В итоге политическая сила традиционно получала наиболее высокую поддержку в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине, где компактно проживает русское население страны [27, с. 5—6]. Голосование русских Эстонии за «центристов» предопределяло также экономическое положение данной этнической группы. В сравнении с представителями титульной нации русские оказались в постсоветской Эстонии в более сложном социально-экономическом положении. Разрыв тесных экономических связей между союзными республиками после распада СССР привел к ликвидации тяжелой промышленности, в которой было трудоустроено преимущественно русское население, что стало причиной массовой безработицы и нисходящей групповой мобильности среди представителей русской этнической группы [33, с. 89]. Поэтому позиционирование ЦП в качестве политической силы, представляющей интересы беднейшей части электората Эстонии, стало дополнительной причиной привлечения на ее сторону русского электората [18, с. 72]. Даже в 2022 г. безработица среди русских жителей Эстонии превышала аналогичный показатель среди эстонцев: 8,1 и 4,7 % соответственно. Однако в 2000-е гг. берет начало новая тенденция: русские стали активнее голосовать за другие парламентские партии [Там же, с. 69], в частности за Партию реформ, придерживающуюся идеологии инклюзивного правого либерализма [27, с. 11]. С одной стороны, это вызвано все большим вниманием различных партий к русскоязычному электорату. К примеру, на выборах 2019 г. председателем Социал-демократической партии был этнический русский Е. Осинковский. Даже наци-

онал-популистская Консервативная народная партия Эстонии (КНПЭ) стала рассматривать русскую общину как возможного союзника в антиэмигрантских кампаниях. С другой — после ухода в 2016 г. с поста лидера ЦП Э. Сависаара партия постепенно теряет свой «пророссийский и «прорусский» статус [26, с. 70]. Практическими последствиями этой трансформации стало вхождение в 2016 г. «центристов» в правящую коалицию с правым «Союзом Отечества и Res Publica» и осуждение руководством партии действий России в Крыму в 2014 г. [27, с. 11—12]. Затем, уже в 2019 г., ЦП, придерживающаяся левой экономической программы и выступающая в защиту прав русскоязычных, сформировала коалиционное правительство с праволиберальной партией «Отечество» и правопопулистской КНПЭ [25, с. 57].

Партии, позиционирующие себя в качестве «русских», не пользовались широкой поддержкой среди русскоязычного электората в течение всего периода независимости Эстонской Республики (табл. 4.1). Так, Объединенная народная партия Эстонии, в 2006 г. превратившаяся в Конституционную партию, а в 2008 г. — в Объединенную левую партию Эстонии (образовав союз слевой партией Эстонии), получала представительство в парламенте только в 1995 г. (в блоке «Наш дом — Эстония» с Русской партией Эстонии) и 1999 г. Русская партия Эстонии, также не пользовавшаяся широкой популярностью, русскоязычной общественностью воспринималась как правоцентристская «партия-ловушка», которая на протяжении достаточно продолжительного времени оттягивала русскоязычный электорат у левоцентристской ЦП [30, с. 15—21]. В 2012 г. Русская партия Эстонии вошла в состав парламентской Социал-демократической партии. В качестве причин низкого электорального потенциала этих сил исследователи отмечают отсутствие у них популярных признанных лидеров, а также их невысокую эффективность вследствие происходивших между ними расколов и слияний. Поэтому, как уже отмечалось выше, продолжительное время большинство русских голосовало на выборах за ЦП [31, с. 104—105]. Ситуация серьезным образом изменилась на парламентских выборах 2023 г., когда

поддержка «центристов» снизилась с 23 % в 2019 г. до 15,28 %. Столь существенное падение электоральной поддержки ЦП было вызвано низкой явкой русских избирателей, что наглядно демонстрируют статистические данные. К примеру, явка в Ида-Вирумаа, где абсолютное большинство населения русские, составила 47 %, в то же время в целом по Эстонии этот показатель — 63,5 %. Такая реакция русского электората была обусловлена недовольством отсутствия эффективного противодействия со стороны партии в отношении «эстонизации» образования и сноса советских памятников. Также части русских избирателей была неприятна однозначная антироссийская позиция «центристов» по вопросу украинского конфликта. На этом фоне возросла электоральная поддержка ориентирующейся на русского избирателя Объединенной левой партии Эстонии, набравшей 2,39 % голосов.

Таблица 4.1

**Электоральная результативность этнических партий
на парламентских выборах в Эстонии**

Год проведения парламентских выборов	Этническая партия	Электоральная поддержка, %
1995	Центристская партия	14,17
	Наш дом — Эстония	5,87
	Справедливость	2,27
1999	Центристская партия	23,41
	Объединенная народная партия Эстонии	6,13
	Русская партия Эстонии	2,03
2003	Центристская партия	25,4
	Объединенная народная партия Эстонии	2,25
	Социал-демократическая партия труда Эстонии	0,42
	Русская партия Эстонии	0,2

Окончание табл. 4.1

Год проведения парламентских выборов	Этническая партия	Электоральная поддержка, %
2007	Центристская партия	26,08
	Конституционная партия	0,99
	Русская партия Эстонии	0,2
	Левая партия Эстонии	0,11
2011	Центристская партия	23,32
	Русская партия Эстонии	0,87
2015	Центристская партия	24,81
	Объединенная левая партия Эстонии	0,13
	Центристская партия	23
2019	Объединенная левая партия Эстонии	0,09
	Центристская партия	15,28
2023	Объединенная левая партия Эстонии	2,39

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [10].

4.2. Этническое голосование в Латвии

С момента обретения независимости Латвии на выборах фиксируется этнолингвистический раскол между партиями [24]. Вследствие этого в партийной системе страны возникло разделение на «русские» и «латышские» партии, опирающиеся на две крупнейшие этнолингвистические группы страны. Партии, получающие поддержку преимущественно в районах с высокой долей русского населения, были представлены в ходе всех общенациональных избирательных кампаний (табл. 4.2). Несмотря на общность электората, начиная с 1993 г. лишь на выборах в 7-й (1998 г.) и 8-й (2002 г.) Сеймы партии, пользующиеся поддержкой русского населения, выступали единой коалицией.

**Электоральная результативность этнических партий
на парламентских выборах в Латвии**

Год проведения парламентских выборов	Этническая партия	Электоральная поддержка, %
1993	Согласие для Латвии — Возрождение для народного хозяйства	12,01
	Равноправие	5,76
	Русский национал-демократический список	1,16
1995	Социалистическая партия Латвии	5,76
	Партия народного согласия	5,58
	Партия русских граждан Латвии	1,25
1998	Партия народного согласия	14,2
2002	За права человека в единой Латвии	19,09
2006	Центр Согласия	14,52
	За права человека в единой Латвии	6,06
	Родина	2,08
2010	Центр Согласия	26,61
	За права человека в единой Латвии	1,47
2011	Центр Согласия	28,62
	За права человека в единой Латвии	0,78
2014	Социал-демократическая партия «Согласие»	23,15
	Русский союз Латвии	1,59
2018	Социал-демократическая партия «Согласие»	19,92
	Русский союз Латвии	3,22
2022	Стабильность!	6,8
	Социал-демократическая партия «Согласие»	4,81
	Русский союз Латвии	3,63
	Суверенная власть	3,24

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [41].

Отсутствие политического единства «русских» партий кроется во многом в их различном институциональном происхождении. В последние годы существования СССР одна часть представителей русской общины поддерживала Народный фронт и предоставление Латвии независимости, другая выступала за Интерфронт и сохранение целостности страны [22, с. 180]. Впоследствии уже на первых общенациональных выборах 1993 г. русские сторонники Народного фронта будут представлены партией «Согласие для Латвии — Возрождение для народного хозяйства», а приверженцы Интерфронта — партией «Равноправие». Отметим, что еще после выборов 1990 г. в Верховный Совет Латвийской ССР сформировалась одноименная фракция «Равноправие», состоявшая из участников Интерфронта [37, с. 64]. На современном этапе этот раскол продолжает существовать в лице преемников данных политических сил: социал-демократической партии «Согласие» и «Русского союза Латвии» (РСЛ) (до 2014 г. — «За права человека в единой Латвии»). «Согласие» обладало на выборах в сравнении с РСЛ существенно большей электоральной поддержкой. Это было связано с личной популярностью ее лидера Н. Ушакова, успешной рекламой партии на Первом Балтийском канале, надеждами русскоязычного электората на интеграцию «Согласия» во властные структуры [11, с. 138] и его ориентацией на сотрудничество вместо конфронтации [32, с. 159].

Надеждам на вхождение партии в правящие коалиции не удалось воплотиться в жизнь, несмотря на то что «Согласие» на парламентских выборах 2011, 2014 и 2018 гг. сумело получить наибольшую поддержку избирателей. Причиной тому — существующая в партийно-политической системе Латвии «красная линия», не допускающая сотрудничество с «русскими» партиями и создающая таким образом условия для консервации внутривнутриполитического конфликта и удержания «Согласия» в изоляции [34, с. 63].

В то же время совокупная процентная доля голосов, отданных за партии, опирающиеся на русских избирателей, с 2011 г. постепенно снижалась. И уже после парламентских выборов 2022 г. потребность в «красной линии» исчезла по причине

значительных изменений расклада сил в партийной системе Латвии. Тогда впервые с 2011 г. партия «Согласие» не получила максимальной среди политических сил поддержки избирателей и, более того, даже не прошла в Сейм, набрав 4,81 % голосов. Можно выделить несколько причин поражения некогда крупнейшей парламентской партии страны. Во-первых, существенно возросла конкуренция за голоса русскоязычных избирателей. Кроме привычного соперника в лице РСЛ, конкуренцию «Согласию» в борьбе за поддержку русскоязычных на этих выборах навязали партии «Суверенная власть» и «Стабильность!». Последняя была основана А. Росликовым и В. Петровым, исключенными ранее из «Согласия», и оказалась единственной партией Сейма нового созыва, опиравшейся на поддержку русскоязычной части населения. Во-вторых, часть избирателей оттолкнула критика «Согласия» действий России в ходе специальной военной операции (СВО), начавшейся 24 февраля 2022 г. В-третьих, негативное влияние оказало отстранение в 2019 г. Н. Ушакова с поста мэра Риги и предшествующий этому коррупционный скандал вокруг него. В-четвертых, отрицательно на результатах сказались внутрипартийные разногласия. В частности, в 2020 г. ряды партии покинул один из ее лидеров В. Домбровский, основавший спустя год партию «Республика», набравшую на выборах 2022 г. 1,76 % голосов. Кроме того, на этих выборах участвовала партия «Суверенная власть», возглавляемая бывшим депутатом «Согласия» Ю. Степаненко, получившая поддержку 3,24 % избирателей.

Начавшаяся после распада СССР деиндустриализация Латвии, как и в случае с Эстонией, негативно сказалась на социально-экономическом положении русского населения, значительная часть которого работала на крупных промышленных предприятиях [9, с. 146—147]. Это в некоторой степени предопределило то, что «русские» партии Латвии занимают левую и левоцентристскую идеологическую ориентацию. В то же время исследователи связывают этот факт не столько с особенностями их социально-экономической программы, сколько с характерной для них «пророссийской» ориентацией [5, с. 85]. В то

же время нельзя заявлять об отсутствии между этими партиями идеологических различий. «Согласие» демонстрирует большую умеренность в сравнении с «Русским союзом Латвии» в вопросах статуса русского языка в Латвии, членства в НАТО, прав неграждан [15, с. 156—157; 16, с. 722—724] и т. д. Официальное оформление двух идеологических течений «русских» партий произошло через их вступление в общеевропейские партии. «Согласие» является членом общеевропейской партии «Прогрессивный альянс социалистов и демократов», объединяющей силы социал-демократического толка. РСЛ входила в состав общеевропейской партии «Зеленые — Европейский свободный альянс», в основе идеологии которой лежит защита интересов жителей регионов, прав национальных меньшинств, в том числе на использование родного языка. Тем самым РСЛ идентифицирует себя как политическую силу, представляющую интересы русского населения, а «Согласие» сделало попытку занять левоцентристскую идеологическую нишу. Несмотря на выделенные между двумя партиями различия, география голосования за них очень схожа: максимальное количество голосов они набирают в Латгалии, Риге и Пририжье, где наиболее высокая доля русского населения [11, с. 148—149].

Фокусируя внимание на партии «Стабильность!», ставшей в 2022 г. ведущей «русской» партией, можно отметить, что, несмотря на схожесть социальной базы и географии голосования, она идеологически отличается от «Согласия» и РСЛ. «Стабильность!», защищая в своей программе права русскоязычного населения, наряду с этим стоит на позициях евроскептицизма. В частности, она предлагает пересмотреть зависимость Латвии в составе Европы, рассмотреть возможность проведения контролируемого дефолта для отказа по выплате долга ЕС, отказаться от покупки собственной электроэнергии по завышенным европейским ценам. Более того, в программе не исключается выход Латвии из Евросоюза. Наряду с этим «Стабильность!», в отличие от «Согласия» и РСЛ, выступала на выборах 2022 г. с антиваксерской повесткой. Партия требовала отказаться от принудительной вакцинации и не использовать пандемию COVID-19 в качестве «инструмента для сегрегации людей, ли-

шения доходов, уничтожения частного бизнеса». Кроме того, в отличие от «Согласия», подвергшей критике действия России в ходе СВО, представители партии «Стабильность!» уклонились от оценок по этой теме.

4.3. Этническое голосование в Литве

Этнополитическая ситуация в Литве имеет заметные отличия от латвийского и эстонского случаев. Положение этнических меньшинств в Литовской Республике считается более благополучным. В частности, после распада СССР было принято решение предоставить гражданство проживающим в стране нелитовцам, поэтому в ней не существовало института «неграждан». Реализация «нулевого варианта» предоставления гражданства связана с тем, что Литва испытала значительно меньший приток населения из советских республик в сравнении с Эстонией и Латвией, вследствие чего представители нетитульных наций не могли оказать значительного влияния на политический процесс.

Уже в первые годы независимости страны этнические общности сумели организовать свои политические силы для участия в избирательных кампаниях национального уровня [12, с. 132]. На выборах в Сейм 1992 г. интересы польской этнической группы представлял Союз поляков Литвы, преобразованный в 1994 г. в Избирательную акцию поляков Литвы (ИАПЛ). В 2016 г. было решено расширить и дополнить название партии, которое с тех пор звучит как «Избирательная акция поляков Литвы — Союз христианских семей» (ИАПЛ—СХС). Данная политическая сила с момента своего возникновения старалась артикулировать интересы не только поляков, но и всех национальных меньшинств, проживающих в Литовской Республике. ИАПЛ—СХС является членом Европейской партии консерваторов и реформистов, придерживающейся идеалов консерватизма и экономического либерализма. Электоральной поддержке этой политической силы присущ этно-территориальный характер: наиболее высокий ее уровень фиксируется в Вильнюсском уезде [4, с. 48], где проживает большинство поляков и русских Литвы (рис. 4.1).

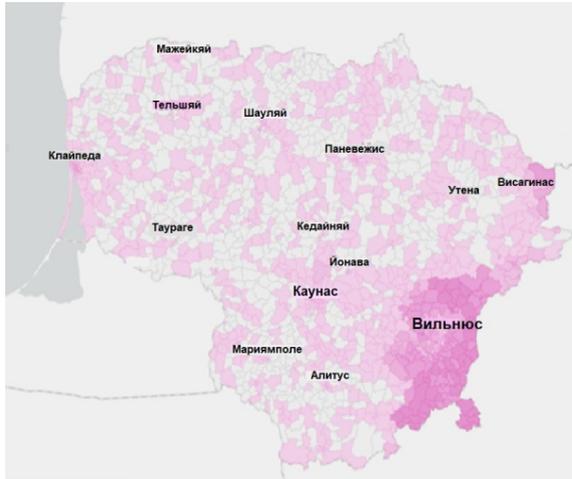

Рис. 4.1. Интенсивность голосования за ИАПЛ—СХС на выборах в Сейм Литвы в 2020 г.

Источник: [42].

В сравнении с другими ярко выраженными этническими партиями стран Балтии ИАПЛ—СХС время от времени входила в правящие коалиции, что позволяло партии получить представительство в правительстве страны. Также возникли и иные партии, ориентированные на поддержку этнических меньшинств: в 1995 г. был образован Союз русских Литвы (СРЛ), в 1996 г. — Альянс граждан Литвы, в 2002 г. — «Русский альянс» (РА) и в том же году — Литовская польская народная партия. Раздробление русского электората привело к снижению электорального потенциала СРЛ и РА [12, с. 132]. Поэтому в большинстве избирательных кампаний общенационального уровня их представители баллотировались по спискам других политических сил [40, с. 80] (табл. 4.3). Кроме того, русские жители зачастую голосуют за общелитовские партии, выступающие в защиту прав этнических меньшинств. Так, после распада СССР значительная часть русского электората поддерживала на выбо-

рах образовавшуюся в результате реорганизации в 1990 г. Коммунистической партии Литвы Демократическую партию труда Литвы [39, с. 126]. В 1990-е гг. она была одним из полюсов силы [1, с. 74] в условиях возникшего в этот период в электоральной и партийно-политической системах раскола [13, с. 91] между экс-коммунистами и антикоммунистами [38, с. 84]. Узость электоральной базы «русских» партий Литвы предопределила ликвидацию одной из них в 2021 г., когда руководство СРЛ не смогло согласно законодательству предоставить в Министерство юстиции список, включающий не менее двух тысяч действующих членов. В марте 2023 г. по этой же причине была начата процедура ликвидации РА.

Таблица 4.3

**Электоральная результативность этнических партий
на парламентских выборах в Литве**

Год проведения парламентских выборов	Этническая партия	Электоральная поддержка, %
1992	Союз поляков Литвы	2,14
1996	Избирательная акция поляков Литвы	2,98
	Альянс граждан Литвы	2,43
	Союз русских Литвы	1,63
2000	Социал-демократическая коалиция А. Бразаускаса (в список были включены представители Союза русских Литвы)	31,08
	Избирательная акция поляков Литвы	1,95
2004	Избирательная акция поляков Литвы (в список были включены представители Союза русских Литвы)	3,79
2008	Избирательная акция поляков Литвы (в список были включены представители Русского альянса)	4,79
	Союз русских Литвы	0,92

Окончание табл. 4.3

Год проведения парламентских выборов	Этническая партия	Электоральная поддержка, %
2012	Партия труда (в список были включены представители Союза русских Литвы)	19,82
	Избирательная акция поляков Литвы (в список были включены представители Русского альянса)	5,81
2016	Избирательная акция поляков Литвы — Союз христианских семей (в список были включены представители Русского альянса)	5,49
	Партия труда (в список были включены представители Союза русских Литвы)	4,69
2020	Партия труда (в список был включен бывший лидер Союза русских Литвы С. Дмитриев)	9,43
	Избирательная акция поляков Литвы — Союз христианских семей (в список были включены представители РА)	4,8

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [42].

4.4. Факторы, актуализирующие внешнюю политику на повестке политических партий постсоветских стран Балтии

Во время избирательных кампаний в постсоветских странах Балтии в силу их значимого геополитического положения важное место занимают внешнеполитические вопросы, активно поднимаемые участниками выборов. В фокусе данной повестки

традиционно стоит вопрос взаимоотношений этих государств с Российской Федерацией, что обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, наличие у трех республик общей границы с Россией с учетом их членства в блоке НАТО автоматически актуализирует тему поддержания безопасности в регионе. После 2014 г. этот вопрос обрел дополнительную значимость, так как под предлогом наличия «российской угрозы» на территории этих стран происходил процесс усиления воинских контингентов НАТО [35, с. 94]. Активно поспособствовала актуализации темы безопасности и начавшаяся в феврале 2022 г. на территории Украины СВО.

Во-вторых, не перестала быть злободневной тема положения русскоязычных в Латвии и Эстонии, права которых на получение гражданства и образования на родном языке ущемляются с момента распада СССР [3, с. 11—13]. Положение русскоязычной общины и вопрос взаимоотношений с Россией являются одними из наиболее дискуссионных на выборах в Латвии и Эстонии. Эти темы, как правило, являются смежными, поэтому ситуацию с русскоязычными жителями нельзя рассматривать исключительно в качестве внутривнутриполитического аспекта в силу его воздействия на характер отношений Латвии и Эстонии с Россией. Достаточно схожая ситуация в Литве, где активное внедрение литовского языка в учебный процесс время от времени вызывало негодование польского правительства [23, с. 58]. Поэтому и в Литовской Республике положение этнических меньшинств, как правило польского, выносятся на повестку дня избирательных кампаний. Стоит также заметить, что после начала СВО в 2022 г. политика властей стран Балтии по ограничению возможности получать образование на русском языке стала еще более активной.

Правящие элиты трех постсоветских государств Балтии, будучи приверженцами евроатлантической ориентации, придерживаются достаточно схожих внешнеполитических позиций. Этот консенсус сложился в условиях восстановления независимости в 1990—1991 гг. Его содержание сформулировал первый после распада СССР президент Литвы А. Бразаускас: «Альтернатив членству в НАТО, а также Европейском союзе и

Западноевропейском союзе нет. Только интегрировавшись в эти организации, Литва сможет удовлетворить свои жизненные интересы» [6, с. 26].

Столь безальтернативная интеграционная политика Литвы, а также Латвии и Эстонии связана с тем, что членство в ЕС оценивается ими как завершение «пути в Европу», возвращение в «европейскую семью» и механизм решения экономических проблем. Вступление в блок НАТО, в свою очередь, воспринимается ими как гарантия безопасности трех стран [8, с. 125]. Этому также способствовал и ряд других факторов: страх перед восстановлением российского влияния [29, с. 143—144], культурно-религиозная близость прибалтийских народов к западной цивилизации, опыт независимого существования в межвоенный период [6, с. 26].

Наряду с этим, начиная с 2014 г. для властей трех республик была характерна совместная антироссийская риторика, хотя до начала украинского кризиса их взаимоотношения с Россией существенно различались. К примеру, в 2013 г. российско-латвийские отношения оценивались как заметно более прагматичные в сравнении с российско-литовскими и тем более российско-эстонскими [21, с. 94]. Однако, если рассмотреть партийно-политический ландшафт постсоветских стран Балтии, можно обнаружить отсутствие консенсуса по ряду вопросов внешней политики среди ведущих участников избирательных кампаний [17, с. 66].

4.5. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Эстонии

В партийной системе Эстонии с момента обретения независимости сформировался раскол между силами, поддерживающими проведение национальной политики (Партия Реформ, «Отечество» и КНПЭ), и партиями, выступающими за более умеренную этническую политику (ЦП, Социал-демократическая партия) [31, с. 105]. В то же время попытки партий занять позицию «посередине» не увенчиваются большим успехом. В качестве примера можно привести основанную в 2018 г. пар-

тию «Эстония 200». В ходе предвыборной кампании 2019 г. новая партия разместила на разных концах трамвайной платформы в Таллине плакаты: «Здесь — только эстонцы», «Здесь — только русские». Таким образом представители политической силы пытались привлечь внимание общественности к существующему в стране расколу между двумя крупнейшими этническими группами. Однако плакаты вызвали возмущение, особенно среди русских [14, с. 129]. В результате партия «Эстония 200» не сумела преодолеть 5 %-ный избирательный порог, набрав 4,4 %.

Результаты парламентских выборов 2019 г. демонстрировали преобладание сторонников национальной политики (табл. 4.4). Исторические корни этого раскола берут свое начало по меньшей мере с процесса распада СССР. Политические старожилы страны — левая ЦП и правоконсервативное «Отечество» — являются воплощениями противоборствующих лагерей: Народного фронта, выступающего за строительство гражданской нации, и Комитета граждан, отстаивающего необходимость этнократии соответственно [28, с. 49].

Таблица 4.4

**Результаты парламентских партий
на выборах в Эстонии в 2019 г.**

Отношение к проведению этнической политики	Партия	Результат, %
Этноцентристы	Партия Реформ	28,9
Сторонники умеренной этнической политики	Центристская партия	23,1
Этноцентристы	Консервативная народная партия Эстонии	17,8
Этноцентристы	Отечество	11,4
Сторонники умеренной этнической политики	Социал-демократическая партия	9,8

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [10].

Кризис государственности на Украине и возникшие вследствие него разногласия между Россией и ЕС существенно повлияли на избирательную кампанию 2015 г. Большинство этнических эстонцев выступило на стороне Евросоюза, а этнические русские преимущественно поддержали Россию. Тогдашний лидер ЦП и мэр Таллина Э. Сависаар, которого считали «символом» и «мотором» нормализации отношений с Россией [6, с. 28], фактически выступил с поддержкой результатов референдума в Крыму. Это заявление в определенной степени соответствовало идеологии ЦП, традиционно заявляющей о поддержке русскоязычного образования, упрощении процесса натурализации и решении иных насущных проблем русскоязычной части общества [27, с. 6]. При этом сменивший в 2016 г. Э. Сависаара на посту лидера партии Ю. Ратас попытался дистанцироваться от сложившегося образа, признав «оккупацию» Крыма Россией [28, с. 49].

Внешнеполитическая проблематика также использовалась на выборах в качестве инструмента отвода внимания от внутриэкономических вопросов. В частности, лидер правящей на момент начала украинского кризиса праволиберальной Партии реформ Т. Рыйвас «попытался отвлечь внимание избирателей от текущих экономических проблем, взяв на себя роль защитника народа, которому угрожает агрессия с Востока» [19, с. 22].

Жесткая антироссийская риторика в условиях резкого ухудшения отношений России и ЕС была присуща и правопопулистской КНПЭ. Во многом именно она позволила в 2015 г. партии впервые получить представительство в Рийгикогу [18, с. 68—69]. Схожий характер выступлений представителей этой политической силы сохранился и в последующем. К примеру, лидер партии М. Хельме на пресс-конференции 9 мая 2019 г. фактически предъявил соседнему государству территориальные претензии, заявив, что «в руках России находится 5,2% территории Эстонии. Россия не хочет нам ни возвращать эту территорию, ни давать за нее компенсацию, ни вообще обсуждать этот вопрос». Этим заявлением М. Хельме отразил позицию своей партии о том, что граница между двумя странами

должна определяться Тартуским договором 1920 г., который, по мнению правительства России, не имеет юридической силы [2, с. 89—90].

Кроме антироссийской риторики для КНПЭ характерна приверженность евроскептицизму. Более того, эта политическая сила была единственной парламентской партией в постсоветских странах Балтии, призвавшей к пересмотру отношений своей страны и Евросоюза. Евроскептицизм эстонских националистов по поводу интеграционного объединения был во многом вызван проблемой беженцев [8, с. 132]. По этому случаю отмечается, что аналогов этой партии, сочетающей русофобию, мигрантофобию и евроскептицизм, нет ни в Латвии, ни в Литве [20, с. 30].

Однако вхождение националистов в 2019 г. в состав правительства вместе с ЦП и «Отечеством» заставило их отказаться от реализации ряда своих идеологических постулатов — закрытия русскоязычных школ, отмены «закона о сожительстве» (возможности регистрации партнерства однополыми парами) и реформы миграционной политики. Также КНПЭ была вынуждена согласиться на введение мер по облегчению процедуры натурализации «неграждан» [26, с. 50].

Тем не менее ожидаемо коалиция между партиями, придерживающимися разных идеологических платформ, распалась в 2021 г. Новая коалиция была образована ЦП и Партией Реформ, но и она оказалась недолговечной. Одним из ключевых вопросов, вызвавших разногласия между двумя партиями, стал вопрос о языке преподавания в русских школах. В итоге «реформисты» в 2022 г. формируют новую коалицию вместе с «Отечеством» и социал-демократами. Согласно соглашению этих политических сил, система образования в детских садах и школах страны будет полностью вестись на эстонском языке.

Эскалация конфликта на Украине в 2022 г. привела к тому, что на парламентских выборах 2023 г. тема национальной безопасности стала центральной в ходе предвыборной кампании. Ведущие партии страны проявили солидарность, выступив с антироссийских позиций, а также в поддержку роста обороноспособности Эстонии. Однако последствия этого военно-политического противостояния стали причиной для серьез-

ных трений между политическими силами. Премьер-министр Эстонии и председатель Партии Реформ К. Каллас выступила с критикой в отношении КНПЭ, которая, по ее мнению, ведет страну в изоляцию. Это стало ответом на заявление председателя КНПЭ М. Хельме в ходе предвыборной кампании 2023 г. о том, что «у поддержки Украины есть предел, который опасно переступить». Также он подверг критике возможность наводнения Эстонии украинскими беженцами. В свою очередь «центристы», также поддерживая украинские власти, обвинили правящую коалицию и КНПЭ в том, что они используют военный конфликт с целью ограничения прав русского населения Эстонии.

Ярко выраженная антироссийская позиция ЦП в украинском вопросе, а также отсутствие у нее крупных успехов в борьбе против ассимиляционной политики эстонских властей привели к тому, что русские избиратели в 2023 г. гораздо менее активно поддержали «центристов» (табл. 4.5). Таким образом, «центристы» оказались вне правящей коалиции, сформированной после выборов Партией Реформ, социал-демократами и либеральной партией «Эстония 200», впервые прошедшей в парламент. Согласно одному из положений утвержденного этими политическими силами коалиционного договора, расходы на оборону страны должны вырасти до 3 % от объема ВВП.

Таблица 4.5

**Результаты парламентских партий
на выборах в Эстонии в 2023 г.**

Партия	Результат, %
Партия Реформ	31,24
Консервативная народная партия Эстонии	16,05
Центристская партия	15,28
Эстония 200	13,33
Социал-демократическая партия	9,27
Отечество	8,21

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [10].

4.6. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Латвии

На парламентских выборах 2018 г. в Латвии проблематика положения этнических меньшинств получила дополнительную актуальность в связи с принятием Сеймом 22 февраля 2018 г. основных пунктов реформы, предложенной Министерством образования. Согласно ее положениям, все школы национальных меньшинств должны перейти на латышский язык. Этот шаг в результате привел к протестным митингам русскоязычных, организованным РСЛ.

В результате на выборах 2018 г. фактически все релевантные партии поднимали в своих программах данную проблематику. Единственным исключением была партия KPV LV («Кому принадлежит власть?»). Различия в программных документах участников выборов демонстрировали расхождения по вопросу положения русского языка в системе образования между партиями, имеющими преимущественно поддержку русскоязычного электората, и политическими силами, за которых голосуют в основном латыши [16, с. 722]. Несмотря на победу «Согласия» на выборах, внушительное преобладание в Сейме было у последних (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Результаты парламентских партий на выборах в Латвии в 2018 г.

Партия	Результат, %
«Согласие»	19,8
«Кому принадлежит власть?»	14,25
Новая консервативная партия	13,59
«Развитию/За»	12,04
Национальное объединение	11,01
Союз зеленых крестьян	9,91
Новое единство	6,69

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [41].

Во многом расхождения по языковому вопросу привели к тому, что «Согласие» оказалось вне правящей коалиции, которую сформировали «Кому принадлежит власть?», Новая консервативная партия (НКП), «Новое единство», «Развитию/За» и «Все для Латвии!» — «Отечеству и свободе / ДННЛ» (Нацобъединение). Достаточно близко к попаданию в парламент было «Объединение регионов Латвии» (ОРЛ), набравшее 4,14 % голосов. Не попал в Сейм также РСЛ (результат — 3,2 %).

«Согласие» предложило в своей программе введение трехязычной системы образования. РСЛ выступил с более радикальных позиций, потребовав отмены всех ограничений в отношении русского языка, введения его обязательного обучения и создания автономии школ национальных меньшинств.

НКП, Союз зеленых и крестьян (СЗК), «Новое единство», ОРЛ, Нацобъединение, напротив, были солидарны в том, что латышский язык должен быть единственным в системе образования. Нацобъединение объясняло свою позицию необходимостью защиты молодежи от дискриминации на рынке труда по причине незнания русского языка. В некоторой степени с компромиссным вариантом выступили представители партии «Развитию/За», которую также поддерживают преимущественно латыши. В ее программе было предложено предоставить возможности изучать в школе некоторые материалы на двух языках (на языках меньшинств и ЕС), обеспечивая необходимые навыки владения вторым и третьим языками.

Проблема статуса «неграждан» присутствовала в программах партий «Согласие» и РСЛ, выступивших против политики этнического разделения и за упрощение процедуры натурализации. Противоположной позиции придерживалось Нацобъединение, не согласное идти на какие-либо уступки в вопросе о гражданстве. Столь ярко выраженный антагонизм Нацобъединения в отношении русскоязычной общины связан с особенностями его идеологии, граничащей между умеренным и радикальным национализмом [17, с. 62]. Приоритетом партии является «латышская Латвия». Поэтому Нацобъединение традиционно выступает в поддержку латышского народа, языка и культуры, увеличения доли латышей, образования на государственном языке, а также за противодействие «пророссий-

ским» силам и защиту памяти «борцов за свободу». В частности, Нацобъединение выступает за признание 9 мая траурной датой возобновления «оккупации» со стороны СССР, поддерживает мероприятия в память латвийских легионеров Waffen-SS и является главным инициатором политических кампаний и законопроектов, нацеленных на ограничение прав этнических меньшинств. В свою очередь партия «Развитию/За» вновь пыталась занять компромиссную позицию, предложив предоставить гражданство страны всем несовершеннолетним детям «неграждан», проживающим в Латвии. Остальные релевантные участники избирательной кампании не уделяли внимание этому вопросу в своих предвыборных программах [15, с. 722—723].

Тема взаимоотношений с Россией также была представлена в предвыборных программах в 2018 г. только этих четырех партий. РСЛ выступал за установление добрососедских отношений с Россией и реализации в будущем проекта единой Европы от Лиссабона до Владивостока. «Согласие» ратовало за построение отношений с Россией, основанных на взаимном уважении. Противоположных позиций придерживалось Нацобъединение, заявившее, что не позволит пророссийским силам войти в правительство и будет использовать все законные средства для ограничения распространения российской пропаганды. Антироссийская риторика в этом вопросе также была характерна для партии «Развитию/За», призвавшей уменьшить зависимость от российского газа, диверсифицировать доступ к источникам газа и сохранить санкции, введенные за «аннексию» Крыма. В случае агрессии со стороны России партия рассматривала необходимость сильного и общего ответа [Там же, с. 723].

По теме взаимодействия с блоком НАТО все релевантные партии поддержали укрепление обороноспособности страны, а также подтвердили членство Латвии в военном блоке. Единственное исключение — РСЛ, заявивший о необходимости снижения военных расходов, демилитаризации и отказа от расширения НАТО [Там же, с. 723—724]. Примечательно, что вопрос взаимодействия с Североатлантическим альянсом не является единственным во внешнеполитическом блоке, где позиции

РСЛ и социал-демократической партии «Согласие» расходятся. В частности, не сходятся у партий оценки референдума 2014 г. в Крыму: РСЛ поддержало вхождение Крыма в состав России, «Согласие» — нет [15, с. 155].

Что касается вопроса взаимоотношений с ЕС, крайние евроскептические взгляды в Латвии в 2018 г. не пользовались широкой поддержкой электората. К умеренным евроскептикам можно отнести СЗК и Нацобъединение, которые «поддерживают членство Латвии в ЕС и других ключевых европейских организациях, однако видят предпочтительной интеграцию в соответствии с моделью ЕС как простого союза государств. Их позиция состоит в том, что Латвия делает слишком много уступок Брюсселю, поэтому должна демонстрировать больше самоуважения и независимости в принятии решений по внутренним вопросам» [43, р. 89].

На парламентских выборах 2022 г. тема внешней политики вновь была в центре внимания участников избирательной кампании. Практически все прошедшие в Сейм партии (кроме партий «Стабильность!» и «Латвия на первом месте») в своих программах заявляли о необходимости увеличения оборонного бюджета, поддержке Украины и укреплении взаимодействия с НАТО. Также большинство партий выступало за полный переход образования на латышский язык. Вследствие этого победившие на выборах (табл. 4.7) «Новое единство», партийное объединение «Объединенный список» и Нацобъединение, сформировав правящую коалицию, подписали меморандум, основанный на этих положениях.

Таблица 4.7

**Результаты парламентских партий
на выборах в Латвии в 2022 г.**

Партия	Результат, %
Новое единство	18,97
Союз зеленых крестьян	12,44
Объединенный список (Латвийская зеленая партия, Объединение регионов Латвии, Лиепайская партия)	11,01

Окончание табл. 4.7

Партия	Результат, %
Национальное объединение	9,29
Стабильность!	6,8
Латвия на первом месте	6,24
Прогрессивные	6,16

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [41].

На этом фоне среди партий, получивших представительство в парламенте, заметно выделялась «Стабильность!». Партия выступала против существования института «неграждан», за возможность получения образования на родном языке, а также за приоритет интересов Латвии над интересами ЕС.

4.7. Внешняя политика и положение этнических меньшинств на повестке дня политических партий Литвы

В Литовской Республике положение национальных меньшинств не является столь же актуальной темой внутривнутриполитических дискуссий, как в других прибалтийских странах. Это связано с предоставлением гражданства всем национальным меньшинствам после обретения Литвой независимости, а также с более низким уровнем их дискриминации в сравнении с Латвией и Эстонией. Вследствие этого этнический раскол в стране заметно менее выражен.

Наиболее ярко выраженная антикоммунистическая и антироссийская риторика среди релевантных партий Литвы присуща консерваторам в лице «Союза Отечества — Литовских христианских демократов». Эта партия по итогам выборов 2020 г. восстановила свое политическое влияние (табл. 4.8) и получила право формировать коалицию. В результате прежнюю правительственную коалицию «зеленых» и социал-демократов сменила либерал-консервативная [7, с. 41]. Партнерами «Сою-

за Отечества — Литовских христианских демократов» стали Движение либералов и отколовшаяся от него в 2018 г. «Партия свободы».

Таблица 4.8

**Результаты парламентских партий
на выборах в Литве в 2020 г.**

Партия	Результат, %
«Союз Отечества — Литовские христианские демократы»	24,86
Союз крестьян и зеленых Литвы	17,43
Партия труда	9,43
Социал-демократическая партия Литвы	9,25
Партия свободы	9,11
Движение либералов	6,79

Источник: Таблица составлена автором с использованием данных: [42].

Основателем «Союза Отечества — Литовских христианских демократов» в 1993 г. стал один из создателей «Саюдиса» В. Ландсбергис, с 2003 г. занимающий пост председателя политического комитета партии. Политический «багаж» В. Ландсбергиса основан на апеллировании к довоенной истории Литвы и обращении к националистической аргументации, формировании базиса перспективной политической программы Литвы в виде «возвращения на Запад» и восприятии России через призму потенциальной угрозы [36, с. 25]. Однако после начала украинского кризиса в 2014 г. основные политические силы республики пришли к консенсусу на негативной основе по теме взаимодействия с Российской Федерацией [34, с. 62].

Что касается взаимоотношений Литвы и ЕС, стоит отметить, что с 2004 г. практически все партии Сейма подписывают совместное соглашение относительно общего подхода к внешнеполитической стратегии государства. С тех пор в выпущенных соглашениях евроатлантическая интеграция провозглашалась в

качестве безусловного приоритета внешней политики страны. Однако это не мешает крупным партиям («Союз крестьян и зеленых», «Союз Отечества — Литовские христианские демократы», Социал-демократическая партия Литвы) нередко давать негативные оценки решениям Брюсселя. Наибольшую критику вызвала необходимость приема беженцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока по определенным Еврокомиссией квотам. Также стоит выделить партию «Порядок и справедливость», имевшую представительство в Сейме с 2016 по 2020 г. Эта политическая сила выступала против федерализации Евросоюза, за диверсификацию внешнеполитического курса, сохранение национальной идентичности, традиционных семейных ценностей и т. п. Также партия пыталась провести одновременно с парламентскими выборами 2016 г. референдум о выходе Литвы из зоны евро и возвращении лита в качестве национальной валюты [8, с. 127—128].

Несмотря на отсутствие этнолингвистического раскола на выборах, сопоставимого с Латвией и Эстонией, польское и русское меньшинства Литвы все же высказывают ряд претензий в адрес властей. Они касаются недофинансирования принадлежащих диаспорам образовательных и культурных учреждений, «литаунизации» славянских фамилий [4, с. 44] и т. д.

В пунктах программы крупнейшей этнической партии страны ИАПЛ — СХС заявляется о необходимости усиления интеграции в евроатлантические структуры — Европейский союз и военный блок НАТО. Но при этом партия также выступает за укрепление связей с соседями путем поощрения сотрудничества с ними в различных сферах.

Контрольные вопросы

1. Какие партии обладали в разные годы поддержкой национальных меньшинств в Эстонии, Латвии и Литве?
2. В каких районах постсоветских стран Балтии фиксируется максимальный уровень этнического голосования?
3. В силу каких факторов внешнеполитическая тематика занимает одно из центральных мест на повестке дня парламентских выборов постсоветских стран Балтии?

4. Каких позиций придерживаются партии стран Балтии относительно взаимоотношений с Россией?

5. Как тема положения этнических меньшинств отражена в политических программах партий Латвии, Эстонии и Литвы?

Практические задания

1. Охарактеризуйте отношение политических сил стран Балтии к евроинтеграции.

2. Составьте типологию этнических партий Эстонии, Латвии и Литвы согласно уровню электоральной поддержки, интеграции во властные структуры, идеологической принадлежности и иным критериям.

Список рекомендуемой литературы

1. *Баторшина И. А.* Особенности генезиса современной многопартийной системы Литвы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 6.

2. *Бойков С. С.* Проблема ратификации договора о границе в отношениях России и Эстонии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 3 (21).

3. *Бузаев В. В.* Национальные меньшинства Прибалтики как жертва избирательного оружия массового поражения // Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период»: сб. ст. / под ред. А. В. Гапоненко. Рига, 2013.

4. *Бусыгина И. М., Онищенко А. Д.* Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1.

5. *Воротников В. В.* Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5.

6. *Воротников В. В.* Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33).

7. *Воротников В. В.* Страны Прибалтики в 2020—2021 гг.: испытание «коронакризисом» // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2021. № 4 (12).

8. *Воротников В. В.* Страны Прибалтики в условиях Brexit: евро-оптимизм vs евроскептицизм // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10, № 1.

9. *Гапоненко А. В.* Русская община в Латвии // *Актуальные проблемы Европы.* 2009. № 4.

10. *Государственная служба по организации выборов в Эстонии.* URL: www.valimised.ee (дата обращения: 10.03.2023).

11. *Жирнова Л. С.* Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // *Балтийский регион.* 2022. Т. 14, № 1.

12. *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки.* 2020. № 3.

13. *Зиновьев А. С., Туров Н. Л.* Феномен популизма на выборах в Литве // *Региональные исследования.* 2018. № 4 (62).

14. *Комлева В. В.* Эстония: перспективы консоциальной демократии в обществе расколотого доверия // *PolitBook.* 2020. № 2.

15. *Кришталь М. И.* Идеологическая и политическая дистанция «русских» партий Латвии // *Власть.* 2019. Т. 27, № 1.

16. *Кришталь М. И.* Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология.* 2019. Т. 21, № 4.

17. *Кришталь М. И., Уразбаев Е. Е.* Субрегиональные аспекты этнополитических процессов зарубежной Прибалтики // *Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики.* Калининград, 2020.

18. *Ланко Д. А.* Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // *Балтийский регион.* 2015. № 2 (24).

19. *Ланко Д. А., Ланцова И. С.* Национализация партийной системы Эстонии в 2005—2019 годах // *Балтийский регион.* 2020. Т. 12, № 1.

20. *Межевич Н. М.* Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья вторая) // *Управленческое консультирование.* 2020. № 4.

21. *Межевич Н. М., Сазанович Л. С.* Современные проблемы российско-латвийских отношений // *Балтийский регион.* 2013. № 3.

22. *Мусаев В. И.* Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. 2017. № 2.

23. *Мусаев В. И.* «Польский вопрос» в Литве и проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3.

24. *Окунев И. Ю., Журнова Л. С.* Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2019. № 11.

25. *Осколков П. В.* Выборы, коалиции, скандалы: национализм и популизм в ЕС, весна 2019 г. // Европейский Союз: факты и комментарии. 2019. № 96.

26. *Осколков П. В.* Динамика национализма и популизма в ЕС: продолжающиеся тренды и новые явления // Европейский Союз: факты и комментарии. 2019. № 95.

27. *Осколков П. В.* Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1.

28. *Осколков П. В.* Эстония: правые популисты в «странной коалиции» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 6.

29. *Ризванова Л. З.* Политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 7.

30. *Розенфельд И.* Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту, 2009.

31. *Руус Ю.* Элиты этнических меньшинств в пост-коммунистических странах: случай Эстонии // Сравнительная политика. 2012. Т. 3, № 3.

32. *Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М.* Партия «Согласие» вновь побеждает (по результатам парламентских выборов в Латвии) // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 3—4.

33. *Скуратовская К. Г.* Современное положение русской этнической группы в Эстонии: политологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2016. № 1.

34. *Смирнов В. А.* К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4.

35. *Смирнов В. А.* Отношения политических элит стран Прибалтики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 1.

36. *Смирнов В. А.* Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980—1990-х годов: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4.

37. *Уразбаев Е. Е., Ямалова Э. Н.* Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2.

38. *Фидря Е. С., Смирнов В. А.* Трансформация сетей политических элит Литовской Республики в постсоветский период (1992—2012 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 3.

39. *Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г.* Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13, № 3.

40. *Шибеева Е. И.* Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. 2011. № 1 (70).

41. *Центральная избирательная комиссия Латвии.* URL: www.cvk.lv (дата обращения: 10.03.2023).

42. *Центральная избирательная комиссия Литвы.* URL: www.vrk.lt (дата обращения: 10.03.2023).

43. *Austers A.* The case of Latvia: Popular euroscepticism in impasse // Euroscepticism in small EU member states. Riga, 2016.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ознакомившись с данным учебным пособием, по задумке автора, у читателя должна была сложиться сложная, но при этом достаточно систематизированная картина, отражающая перипетии электоральных процессов в постсоветских странах Балтии и Восточной Европы. Где-то читатель наверняка обнаружил схожие характеристики, присущие этим государствам. Среди них можно выделить наличие значимого этнолингвистического фактора на выборах, широкую представленность тем взаимоотношения с Россией и геополитической ориентации в целом на политической повестке дня и т. д. Безусловно, читатель обнаружил и различия, присущие электоральным процессам выделенных стран: отличия в специфике голосования, стратегиях ведения избирательных кампаний, их правилах и т. д.

Основа этих различий кроется в особенностях сложного исторического пути, который предстояло пройти данным государствам. Поэтому нередко в учебном пособии делался небольшой экскурс в историю этих стран и народов, их населяющих, так как без этого многие события современности попросту окажутся непонятными для широкого круга читателей. Только в этом случае мы можем понять природу раскола на выборах между молдовенистами и унионистами в Молдове, электоральных размежеваний на Украине между Западом, Центром и Юго-востоком, возникновение этнического голосования и этнических партий в Латвии, Литве и Эстонии и т. д.

В последующем автор планирует развивать данную тему, публикуя по ней новые научные работы. В частности, планируется осветить особенности электорального процесса в Беларуси, а также иные факторы, влияющие на характеристики электоральных процессов в постсоветских странах Балтии и Восточной Европы в целом.

Кроме научно-образовательных задач, автор учебного пособия выражает глубокую надежду, что данное издание расширит кругозор читателей о политических процессах, происходящих в соседних странах и тем самым способствует разрушению многих стереотипов, возникших между нашими народами в последнее время.

Учебное издание

Кришталёв Михаил Игоревич

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ БАЛТИИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Учебное пособие

Редактор *В. Е. Москаленко*

Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Дата выхода в свет 30.06.2023 г.

Подписано в печать 05.06.2023 г.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 8

Тираж 300 экз. (1-й завод 35 экз.). Заказ 58

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Невского, 14